

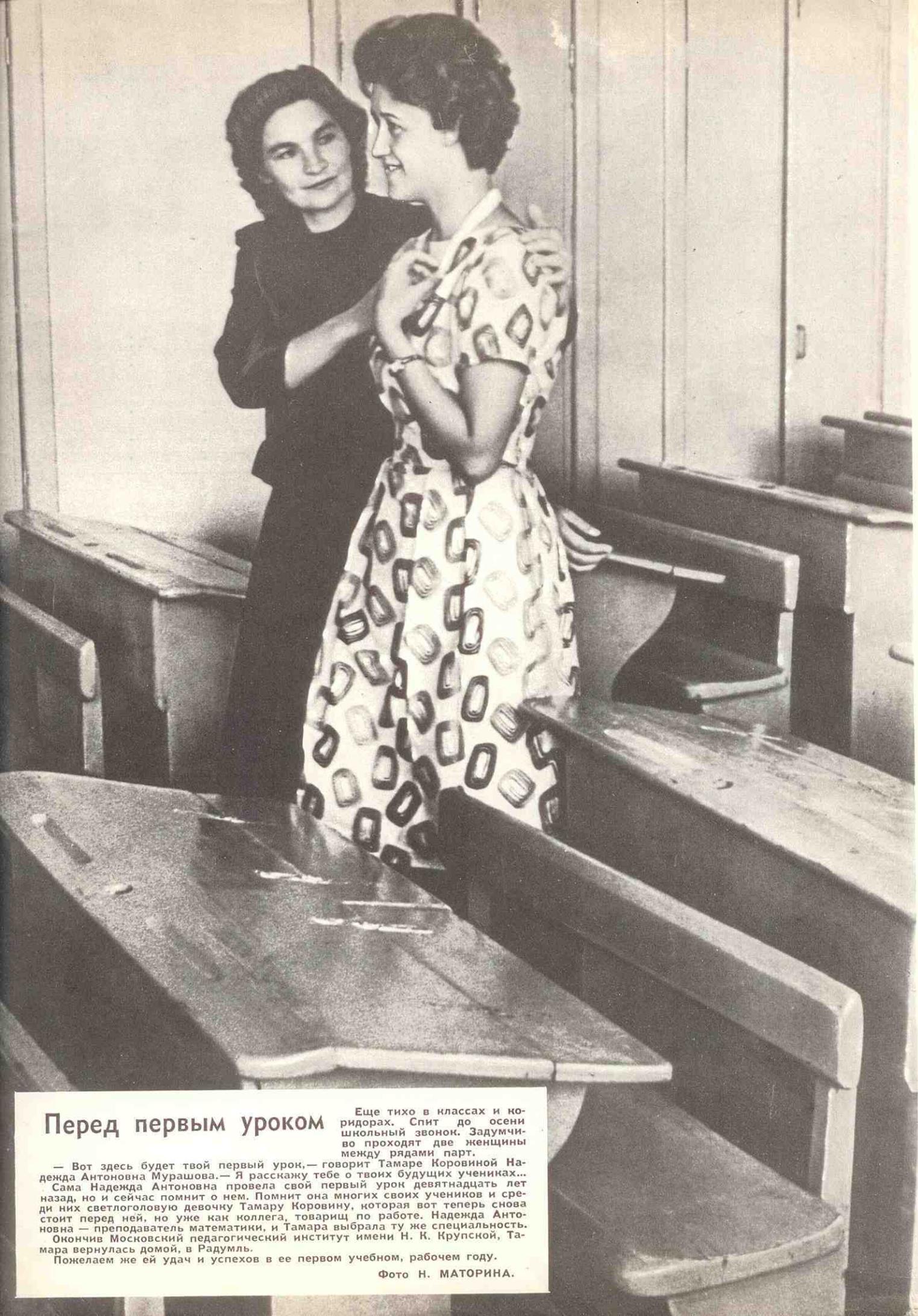

РАБОТНИЦА

АВГУСТ

1963

8

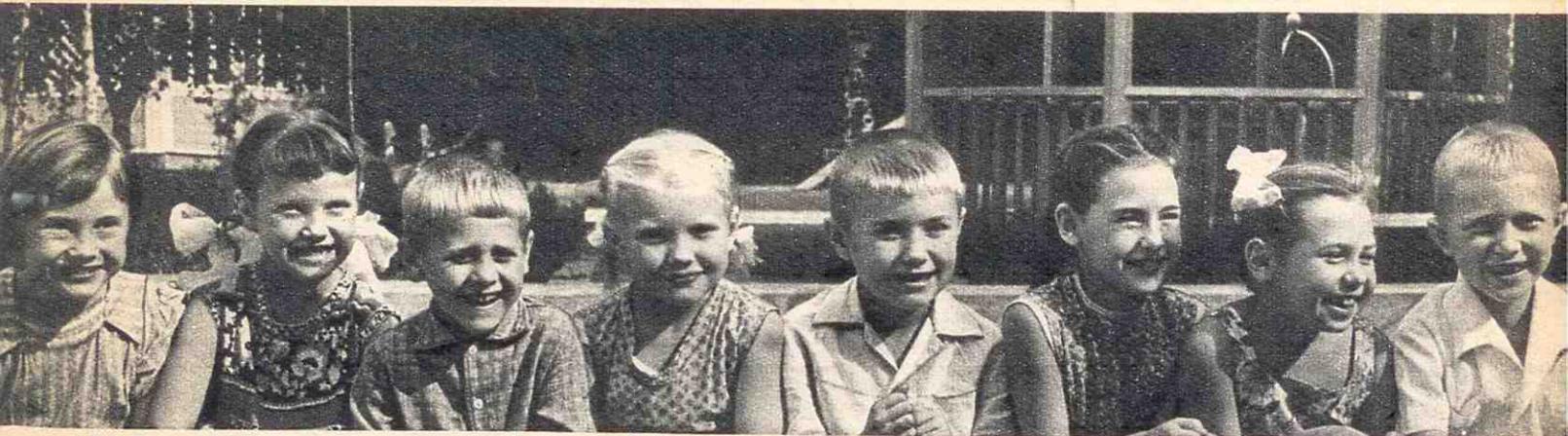
Перед первым уроком

Еще тихо в классах и коридорах. Спит до осени школьный звонок. Задумчиво проходят две женщины между рядами парт.

— Вот здесь будет твой первый урок,— говорит Тамаре Коровиной Надежда Антоновна Мурашова.— Я расскажу тебе о твоих будущих учениках... Сама Надежда Антоновна провела свой первый урок девятнадцать лет назад, но и сейчас помнит о нем. Помнит она многих своих учеников и среди них светлогловую девочку Тамару Коровину, которая вот теперь снова стоит перед ней, но уже как коллега, товарищ по работе. Надежда Антоновна — преподаватель математики, и Тамара выбрала ту же специальность. Окончив Московский педагогический институт имени Н. К. Крупской, Тамара вернулась домой, в Радумль.

Пожелаем же ей удач и успехов в ее первом учебном, рабочем году.

Фото Н. МАТОРИНА.

Скоро и для них в первый раз прозвенит школьный звонок.

СЛОВО К РОДИТЕЛЯМ

ИНТЕРВЬЮ «РАБОТНИЦЫ»

С ПРЕЗИДЕНТОМ АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
И. А. КАИРОВЫМ

1 сентября. Начало учебного года. Когда кремлевские куранты отобьют первый час нового дня, на Дальнем Востоке уже взойдет солнце и улицы заполнятся школьниками с охапками ярких осенних цветов. Солнце пойдет на Запад, и вслед за ним будут подниматься дети всей страны. В этот день более 42 миллионов школьников сядут за парты.

В канун нового учебного года мы обратились к Ивану Андреевичу Каирову с вопросом:

Какие задачи встают перед советской школой в связи с решениями июньского Пленума ЦК КПСС?

Вот что сказал Иван Андреевич:

— С особенным чувством встречаем мы, педагоги, наступающий учебный год. Его преддверием явился июньский Пленум Центрального Комитета КПСС. Решения Пленума проникнуты большой заботой об идейном воспитании нового человека — активного бойца, создателя коммунизма.

На Пленуме отмечалось, что закон о перестройке школы уже принес большие положительные результаты: труд широко вошел в жизнь школы, крепнут связи школы с производством. Но мы понимаем, что это — только начало. И тут еще многое предстоит сделать.

Воспитание любви и уважения к труду на благо общества, трудовая закалка людей — **сердцевина, стальной хребет** идеологической работы... Так образно и метко говорилось на Пленуме ЦК об одной из главных наших воспитательных задач. Говорилось очень верно и о том, что не везде еще производственное обучение учащихся находится в заботливых руках. Помните, как сказал

об этом в докладе Пленуму тов. Ильичев: «Стоит иногда школьник за спиной рабочего и наблюдает, как тот трудится. Даже новое плохое словечко появилось: «заспинник». От нас, от нашей работы зависит, чтобы сегодняшний «заспинник» не стал завтра «заплечником» у родителей, а послезавтра «захребетником» у общества».

Навести государственный порядок в трудовом воспитании учащихся — это значит создать специальные учебные цехи, выделить участки, пролеты для прохождения школьниками производственной практики, поддерживать и развивать ученические производственные бригады в сельском хозяйстве. Это значит: рабочие коллективы обязаны растить себе достойную трудовую смену, а родителям непозволительно оберегать своих детей от труда, растить белоручек, «захребетников».

Участники Пленума справедливо говорили о том, что существует известный разрыв обучения и воспитания, который еще не преодолен школой. И нам, педагогам, предстоит устранить этот серьезный изъян, добиться, чтобы обучение и воспитание слились в еди-

ный поток. Пленум потребовал повысить роль учителя в идейном формировании подрастающего поколения, ликвидировать отставание педагогической науки в разработке проблем обучения и коммунистического воспитания учащихся.

А что это значит?

Школа вооружает ученика знаниями. Но запомнить правила и законы, заучить исторические даты или уметь решать арифметические задачи — этого теперь недостаточно.

Школа должна научить ученика самостоятельно мыслить, разбираться в причинах и следствиях явлений, делать правильные выводы и обобщения.

Каждой матери известно, что еще совсем маленькие дети любят все потрогать своими руками и самым любимым их вопросом является знаменитое «почему?». С годами любознательность не только ни должна угаснуть, наоборот, школа обязана развивать это стремление человека — больше видеть, понимать сущность происходящего, учиться применять знания на практике. Школа должна заложить у своих воспитанников основы научного миропонима-

РАБОТНИЦА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал
ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

8

АВГУСТ
1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ ЭПОХИ

ния, воспитать у юного поколения страстную убежденность в величии коммунистических идеалов. К этой цели и направлены усилия педагогов: пересматриваются школьные программы, создаются новые учебники, меняется методика урока.

Ученики 11-го класса будут в течение всего учебного года изучать новый предмет — обществоведение, предмет, содержащий основы политических знаний, дающий школьнику первые представления о марксизме-ленинизме.

Какие пожелания хотели бы Вы, Иван Андреевич, передать родителям, читателям нашего журнала?

— С каждым годом возрастает у нас воспитательная роль школы и государства. Но вместе с этим повышается и ответственность семьи за воспитание детей. И неправы те родители, которые пытаются свои обязанности по воспитанию детей переложить на школу, на общество.

Не секрет, что дети сейчас развиваются значительно быстрее, чем раньше. Радио, телевидение, кино, сама наша жизнь способствуют быстрому развитию ума ребенка, дают богатую пищу его любознательности и впечатлительности. А мы, взрослые, иногда уходим от разговора с подростками по душам по самым важным и острым вопросам, интересующим молодежь. Мы не всегда правильно рассказываем детям, что такое добро и зло, человеческое благородство и непорядочность.

Чтобы правильно воспитывать детей, родителям нужны элементарные педагогические знания. Сейчас есть у нас родительские университеты и лектории, школы матерей, проводятся педагогические чтения. Пусть таких учреждений станет еще больше! Для этого нужно только одно: люди, заинтересованные в распространении педагогических знаний.

Хочу сказать еще о личном примере родителей. Для того, чтобы пользоваться авторитетом у своих детей (а без этого куда уж говорить о воспитании!), вы, родители, ни на минуту не должны забывать, что за вами неотступно наблюдают ребята, у вас они учатся, вам подражают. Присмотритесь, дорогие товарищи, к своим поступкам, придирчиво спросите себя: всегда ли вы поступаете справедливо, по совести?

Успешно в нашей стране осуществляется всеобщее обязательное восьмилетнее образование. Но есть школы, где еще велик отсев учащихся. Матери, женская общественность, возьмите под строгий контроль выполнение закона о всеобщем обучении, добейтесь, чтобы в городе и селе, в дальнем ауле и в северном стойбище не осталось ни одного ученика вне школы!

Крепкая дружба у рабочего коллектива ростовского завода «Красный Аксай» с учениками школы № 12. В молодом городе Экибастузе активно действует штаб коммунистического воспитания. Женский совет Днепродзержинска не оставляет без внимания ни одного «трудного» ребенка. Пусть сердечное беспокойство о детях, об их будущем будет повсюду. Пусть для всех советских людей станут общими тревоги и радости за судьбу каждого ребенка, своего и чужого.

Недавно наша партия, коммунистические, рабочие партии других стран, все передовые люди земли отмечали шестидесятилетие II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, того съезда, на котором сложилась славная ленинская партия большевиков.

Владимир Ильич Ленин называл ее «маленьким зернышком» и предсказал, что это зернышко «все переделает». И мы видим: сбылось ленинское предсказание. Коммунистическая партия стала исполинской революционной силой, изменившей судьбы многих народов, весь ход мировой истории. Организатором и создателем этой партии был великий Ленин.

В течение тридцати лет, еще со времени организации первых марксистских кружков и «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 90-х годах, верным помощником Ленина была Надежда Константиновна Крупская. Она принимала участие и в создании ленинской газеты «Искра», была секретарем редакции газеты, являлась делегатом II съезда партии. Книга Надежды Константиновны Крупской «Воспоминания о Ленине», ее статьи, посвященные жизни и деятельности Ленина, дают необычайно живое, яркое представление об исторических событиях и о личности Владимира Ильича как вождя партии и человека. В своих воспоминаниях несколько раз возвращалась Надежда Константиновна к тому времени, когда складывалась большевистская партия, и особенно ко II съезду РСДРП.

«...целый десяток лет вел Ленин трудную работу по собиранию партии, по объединению отдельных кружков революционеров», — вспоминает Надежда Константиновна. — Дело это было особенно трудное, потому что кружки должны были скрываться от полиции, кружки постоянно арестовывались и распадались. Все приходилось делать тайком, с большими предосторожностями. Казалось, дело это было безнадежно, но Ленин хорошо обдумал план объединения — поехал за границу, где его не могли арестовать, и стал там издавать газету «Искра», которая тайно пересылалась в Россию.

Около этого ядра, около «Искры», и стала спланиваться партия.

У партии должна быть программа, чтобы каждый знал, за что борется партия.

Программа имеет громадное значение: это знамя, под которым идет борьба. Каждый член партии должен не только знать программу, но продумать ее и проводить ее в жизнь.

До 1903 г. у социал-демократов не было программы. Ленин вместе с редакцией «Искры» подготовил программу партии, которая потом была изменена только в 1919 г., на VIII съезде, когда трудящиеся уже взяли власть в свои руки и когда встали новые задачи».

В июле 1903 года в Брюсселе открылся II съезд. Он должен был выработать теоретические и организационные основы партии — принять программу партии, Устав, выбрать центральные органы.

«Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! всю жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушено, все сказано открыто», — писала Надежда Константиновна.

В статье «Каким должен быть коммунист?» Надежда Константиновна так рисует открытие II съезда:

«То, что за границей удалось собрать 50 членам партии, представителям русских рабочих организаций, казалось тогда громадным достижением. Бельгийские социалисты предоставили съезду большой мушной сарай. На окна были повешены красивые занавески. Я помню, какая торжественная минута была, когда Плеханов открывал съезд. Каждый понимал, что съезд складывает первые камни партийной организации, которой предстоит долгие годы борьбы. Как практически сложится борьба, при каких условиях удастся рабочим взять власть, как пойдет перестройка по-новому всего жизненного уклада страны, тогда, в 1903 г., никто еще себе конкретно не представлял, но усиленно билось сердце в предчувствии широкого размаха борьбы».

Мы знаем, что II съезд РСДРП принял программу, выработанную «Искрой», знаем, что главное разногласие между большевиками и меньшевиками было по первому параграфу Устава партии.

«...Раскол вспыхнул, — пишет Крупская, — из-за организационных разногласий. Оппортунистические формы партийной организации определили собой у меньшевиков оппортунистические методы борьбы сначала внутри партии, потом и во всей их деятельности. Организационный оппортунизм перерос в тактический, тактический — в идеологический...»

Надежда Константиновна не раз подчеркивала: «Кто хочет понять, что произошло на II съезде, должен ясно отдать себе отчет, о какой партии мечтал Ильич».

Он мечтал о партии, «вооруженной революционной теорией, представляющей собой боевую организацию революционеров».

За год до II съезда партии вышла книга В. И. Ленина «Что делать?», в которой он писал: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободному принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами...» И в книгах Надежды Константиновны щедро рассыпаны воспоминания о том,

Ф. РЕШЕТНИКОВ. За ленинскую «Искру».

как высока требовательность, с которой подходил Ленин к члену партии:

«...член партии должен быть готов на все. Он должен вести повседневную, незаметную, невидную работу, но, когда надо для дела, он должен уметь с оружием в руках бороться за него. Если мы оглянемся на то, как партия в то время работала, то мы увидим, что были такие члены партии, которые вели повседневную, незаметную работу, работая где-нибудь в типографии. Никто не знает, не подозревает даже, что он работает, и никому он об этом, даже самым близким людям, не рассказывает. И бывало сплошь и рядом так, что тот же член партии идет на самую опасную работу и гибнет безвестно — никто этого даже не знает. Но придавала людям силы уверенность в том, что они борются за правое дело, за дело уничтожения всякой эксплуатации, за уничтожение капиталистического рабства».

В статье «Ленин и партия» есть такие слова: «Работая в партии, Ленин заботился в первую голову о том, чтобы партия ясно видела, куда идти. Не учесть, сколько времени, сколько бессонных ночей посвятил Ленин на обдумывание того, по какому пути надо идти партии...»

Ленин писал письма, статьи, толковал, выяснял, выступал на собраниях и съездах и старался уяснить, где правильный путь.

С теми членами партии, которые хо-

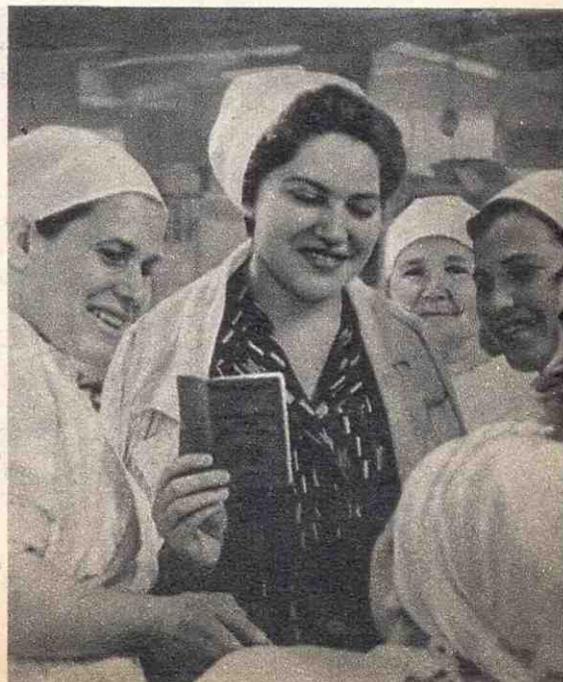
тели свернуть партию с верного пути, которые забывали великие цели, стоящие перед партией пролетариата, которые падали духом или зарывались, тащили партию в болото или на край пропасти, Ленин вел всегда бешеную, непримиримую борьбу. А рабочих Ленин звал идти за партией, звал рабочих и крестьян теснее объединиться для борьбы, для завоевания лучшего будущего.

И партия пошла по верному пути, она стала сильной, сплоченной, дисциплинированной, повела за собой рабочих и крестьян к победе, власти, она справилась со своими врагами».

Шесть десятилетий отделяют нас от тех дней, когда в Брюсселе, а потом в Лондоне Ленин и его верные соратники вели страстную борьбу против оппортунистов, пытавшихся свернуть партию с дороги революционной борьбы за светлое будущее трудящихся. С тех пор наша партия, верная великим заветам Ленина, превратилась в могучую десятимиллионную армию. Из партии рабочего класса она превратилась теперь в партию всего советского народа. Она стала умом, честью и совестью нашей эпохи. Ленинский Центральный Комитет КПСС во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым твердо ведет нашу партию, согласовывая, сверяя путь к коммунизму с учением Ленина. И то, что казалось далекой мечтой — коммунизм, — все прочнее входит в нашу жизнь.

Вот он, партийный билет, билет члена Коммунистической партии Советского Союза... Его только что вручили молодой коммунистке Ольге Белоусовой. Счастливая и какая-то торжественная вернулась она в свой цех. Вздволнованы и ее подруги. У них на глазах началась трудовая биография Ольги. Сюда, в вафельный цех московской фабрики «Рот-Фронт», пришла она сразу после окончания десятилетки. Работая, окончила вечерний техникум, вместе со всеми Ольга радовалась, когда присвоили их цеху звание коммунистического.

Фото Г. Дубинского.

Алексей Федорович Федоров, автор известной миллионам читателей книги «Подпольный обком действует», закончил работу над новым произведением, посвященным славным делам советских партизан, — «Последняя зима». Литературная запись книги принадлежит Евгению Шатрову. Ниже мы печатаем с некоторыми сокращениями главу из этой книги.

Алексей ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза

... **П**олитрук Вохмяков соображал: сто человек могут сделать во сто раз больше, чем один. Во всяком случае, каждый из партизан роты, попав в село или хутор, независимо от других заданий обязательно узнавал о Полине Ивановне. Это было дополнительное задание, особое...

Расспрашивали не только о женщинах из Бреста, но и обо всех беженцах, которые появлялись в населенном пункте во время войны, встречались с ними, разговаривали. На тот случай, если Полина Лащенко не назовет себя, Вохмяков сообщал партизанам ее приметы: среднего роста, вьющиеся каштановые волосы, нос с горбинкой, возле подбородка родинка.

Поиски держали в строгом секрете от командира роты старшего лейтенанта Лащенко. Скромный и деликатный, он сразу бы запретил партизанам отрываться ради него от основных дел. Да и зачем напрасно нервировать человека, принорить ему вместе с надеждой все новые и новые разочарования? Тем более что шансы разыскать Полину Ивановну или что-нибудь узнать о ней были слишком малы.

Батальон уже не раз менял на Вольни район дислокации, партизаны побывали в десятках сел, хуторов, городков, но ничего о жене командира так и не удалось узнать. И вдруг в самом начале февраля бойцы напали на ее след.

Андрей Зозуля, который ходил на связь в соседнее партизанское соединение, доложил политруку, что встретил женщину, которая хорошо знала Полину Ивановну, вместе с ней уходила из Бреста.

— А может, она путает ее с какой-нибудь другой Полиной Ивановной? — спросил Вохмяков.

— Все точно! И фамилия Лащенко и девочка лет семи при ней...

— Ну и где же сейчас Полина Ивановна?

...В августе 1941 года несколько жен офицеров брестского гарнизона, из числа тех, кому не удалось эвакуироваться, отправились пешком на юго-восток. Они думали, что война скоро закончится, и решили ожидать прихода советских войск в селах, расположенных подальше от больших дорог, где и немцев, наверное, нет.

Полина Лащенко вместе с другими женщинами нашла пристанище в селе Вулька-Щетинская, Любешовского района. Тут они и провели зиму. К весне у беженок совсем не осталось вещей: они их обменяли на продукты. Жители села тоже с каждым днем все туже затягивали пояса. Ходили слухи, что в районах ближе к Ковелю люди живут сытнее, что там можно найти работу. И вот весной 1942 года часть женщин перекочевала дальше на юг; среди них была и та, которую встретил Зозуля. А Полина Ивановна осталась в Вульке: она умела шить и надеялась как-нибудь прокормить себя и дочь.

— Значит, они расстались почти два года назад? — размышлял вслух Вохмяков.

— Должно быть, так, товарищ политрук.

— Срок солидный. Многие за это время могло случиться. Пока точно не узнаем, где находится жена старшего лейтенанта, беспокоить его нельзя. Понятно, Андрей? Завяжи пока что язык на десять узлов.

— Обижаете, товарищ политрук.

— Не обижаю, а предупреждаю: никому ни полслова.

Необходимо было послать кого-нибудь, хотя бы того же Андрея Зозулю, в Любешовский район. Но взять и отправить партизана за сто километров без ведома Лащенко политрук не мог. Пришлось посвятить во всю эту историю командира и комиссара батальона. Буквально через несколько минут Лащенко получил приказ: откомандировать в распоряжение шта-

Рисунок В. Высоцкого.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

ба батальона партизан Зозулю Андрея и Конашкевича Виктора для выполнения особого задания.

— Так и норовят лучших ребят из роты забрать! — с досадой сказал политруку старший лейтенант. — Будто нам они не нужны...

— С начальством не поспоришь! — пожал плечами Вохмяков.

Дорога на Любешов оказалась тяжелой. Зозуля и Конашкевич почти все время шли пешком, лишь изредка пользуясь попутными санями. Немцев в этих глубинных местах не было, но приходилось остерегаться бендеровцев и полицаев. Большие села обходили стороной. Только на третий день партизаны добрались до Вульки-Щетинской — небольшого селения с обгоревшими у околицы домишками.

Остановив первую встреченную девушку, Андрей обратился к ней с вопросом:

— Скажи, красавица, есть ли в вашем селе хорошая портниха? До того обносился, что и свататься не в чем. Кто бы здесь смог рубашки сшить?

— Есть портниха, и хорошая, городская... Но она по домам ходит работать: своей машинки у нее нет... Вон в том проулке живет, вторая хата направо.

— А как звать ее?

— Полина Ивановна.

Это действительно была она, жена командира роты. Утомленная женщина с каштановой прядью, выбившейся из-под косынки, и родинкой у подбородка. Рядом с ней, сидя на скамейке, играла тряпичной куклой девочка, очень похожая на Лащенко. Разговор, однако, начался с рубашек.

— Что ж, обязательно сошью, с удовольствием... — сказала Полина Ивановна. — Принесите материю. Ох, хлопцы, хлопцы, может, и муж мой где-нибудь в партизанах! Может, встречали старшего лейтенанта Лащенко?

— Не приходилось... А может, и встречали, разве упомянуть? — сказал Зозуля.

Конашкевич отвел глаза.

— Вот так все отвечают, кого ни спросишь, — продолжала Полина Ивановна. — Я понимаю, всех не запомнишь. Но, может быть, лицо запомнилось? Верочка, доченька, принеси папину карточку.

Девочка бросила испуганно-вопросительный взгляд на мать, но та ее успокоила:

— Этим людям можно показать! Они с немцами воюют, как и папа. Принеси, детка!

Вера убежала за перегородку и возвратилась оттуда с завернутой в платочек фотографией. Зозуля увидел на снимке своего командира, совсем молодого, улыбающегося, с двумя квадратиками в петлицах, рядом в нарядном платье Полина Ивановна, а на коленях у нее крохотная Верочка.

— Нет, не видал такого, — как можно спокойнее сказал Зозуля. — Да жив он, бьет фрицев! Не тревожьтесь.

— И я надеюсь, что живой...

Полина Ивановна замолчала.

— Ну, так мы к вам заглянем через недельку, — стал прощаться Зозуля. — Вы все время здесь будете? Никуда не собираетесь?

— Куда ж я денусь... Пока что работа в селе есть.

Выйдя из хаты, Виктор накинулся на Андрея:

— Свинья ты, сердца у тебя нет! Разве можно так: «не приходилось встречать», «не видал»... Сказать нужно было! Обрадовать!

— Не торопись, Виктор, остынь... Ну сказал бы, а дальше что? Я все делаю, как политрук приказал. И ты моей линии держись, это тоже приказано.

О результатах поездки Андрея Зозули и его напарника узнали сначала только трое: комбат, комиссар и политрук Вохмяков. Они сразу же стали советоваться, как быть дальше.

— Отправим за семьей самого Лащенко, — решил командир батальона. — Но я считаю, что и ему ничего не нужно знать раньше времени. Еще по дороге в какую-нибудь неприятность сгоряча попадет...

— Вообще-то Лащенко выдержанный, но от такой новости у любого характер перевернется, — согласился Вохмяков.

Лащенко получил приказ на следующее утро в 8.00 отправиться на трех санях с десятью автоматчиками к селу Вулька-Щетинская для выполнения особого задания. В чем заключается задание, он узнает из дополнительного приказа, который ему вручат уже в селе на явочной квартире. Адрес

явки известен партизану Зозуле, которого надлежит включить в группу.

...Рано утром маленькая экспедиция двинулась к Любешову. И на следующий день партизаны были уже в Вульке. Остановились в крайней хате, распрягли коней.

— Ну, пошли, Зозуля! — сказал командир роты. — С нами Харченко, Татышев. Остальные останутся здесь. Пока что отдыхайте, ребята!

Один только Андрей знал, какая встреча ждет командира. Сердце Зозули колотилось. Только бы Полина Ивановна была дома!

Все четверо вошли в сени, старший лейтенант стукнул логонько в дверь... «Прошу!» — послышался из комнаты голос. Лащенко раскрыл настежь дверь и на секунду застыл у порога, потом бросился вперед... А Зозуля тем временем вытаскивал товарищью на улицу.

— Обождать надо, хлопцы, — говорил он. — Жену наш ротный нашел...

Лащенко вышел к ним через несколько минут, счастливый, взволнованный, и удивленно взглянул на Зозулю. Тот протянул пакет:

— Приказано вручить!

Лащенко прочел:

«Дорогой Павел! Прости нас, пожалуйста, но мы решили тебя преждевременно не волновать. А теперь поздравляем и радуемся вместе с тобой. Приказ таков: забирай жену с дочкой и возвращайся в батальон. Передай им привет. Вот и все наше «особое задание».

Дальше шла размашистая подпись комбата и четко выведенная фамилия комиссара.

— Разрешите, товарищ старший лейтенант, быть пока что свободными? — спокойно спросил Зозуля.

— Ну и хлопцы! — растроганно сказал командир роты. — Да, да, конечно, свободны, до особого распоряжения. Спасибо всем вам, большое спасибо.

Подробности розысков Полины Ивановны командир роты выпытал у Андрея уже на обратном пути.

...В батальоне для семьи лейтенанта освободили лучшую землянку. От ротной кухни тянуло паленой щетиной зарезанного кабана.

Утром к супругам зашел Вохмяков. От женского халатика и тряпичной куклы, которые лежали на табурете, от перемытой до блеска посуды, даже от расчески, в которой застряло несколько волосинок, повеяло на политрука таким домашним уютом и еще чем-то милым, полузабытым, что у него защемило в груди.

— Вот какое дело... — начал политрук. — Хотят наши люди Полину Ивановну видеть. Просят ее выйти к роте, так сказать, познакомиться.

— Господи! Да я ж, кажется, всех вчера обнимала! — всплеснула руками Полина Ивановна.

— Не всех, далеко не всех... Многие вчера в наряде были, одна группа ночью из разведки вернулась.

— Придется тебе, Поленька, по землянкам пройти! — улыбнулся старший лейтенант.

— Нет, не по землянкам, — твердо сказал Вохмяков. — Ко всей роте надо вам выйти.

...Бойцы стояли двумя шеренгами на небольшой поляне за лагерем.

Увидев Полину Ивановну, партизаны подтянулись, выравнялись, стали по стойке «смирно». От лагеря к строю шли четверо: старший лейтенант Павел Лащенко — защитник Брестской крепости, партизанский командир; ярославский рабочий Сергей Вохмяков, а между ними — женщина с широко открытыми смеющимися глазами и девочка в стоптанных валенках.

Полина Ивановна увидела множество устремленных на нее глаз, взволнованных, потеплевших.

— Здравствуй, родные! — сказала она негромко.

В ответ неслось:

— Здравствуй, Полина Ивановна!

— С приездом!

— Поздравляем вас!

Женщина хотела сказать многое, поблагодарить всех, но слова вдруг застряли в горле, уголки губ дернулись вниз, и Полина Ивановна, беспомощно махнув рукой, побежала к тем, кто стоял в строю. Она повисла на шее у растерянного автоматчика Гладышева, что-то тихо приговаривая.

Так закончилась эта история. Добавить к сказанному, пожалуй, нечего. Нет, добавлю! Полина Ивановна не только сшила, но и вышла сорочку Андрею Зозуле, да и не ему одному.

За 69-й параллелью

Река с двойным именем

На билете стояло: «Никель». Поезд мчал меня в далекий северный район, туда, где близко сходятся границы трех государств — Советского Союза, Норвегии и Финляндии.

Несколько лет назад довелось мне пожить и поработать в тех суровых местах вместе с приехавшими туда добровольцами — молодыми покорителями тундры. И вот теперь предстояло новое свидание с Заполярьем.

...В солнечном сиянии серебристо горели пятна снега на вершинах и склонах невысоких округлых гор. Снег лежал неровно, поэтому горы выглядели чернобельми.

Солнце лишь недавно вернулось на Кольский полуостров из длительного зимнего отпуска и с усердием показывало путникам красоту северной земли. Нигде, кажется, нет воздуха такой прозрачности и чистоты, таких мягких красок неба, такого богатства озер, где в прохладных глубинах привольно живет рыба, таких стремительных, пенистых рек.

Одна из этих рек — Паз.

Паз имеет и другое имя — Патсо-йоки. Так называют ее наши соседи — норвежцы. Бурливая, по-северному порожистая река служит на большом участке границей между нашей страной и Норвегией.

Всюду правый берег наш, левый — норвежский. Но в одном месте советская территория переходит на левобережье. И здесь, у самого берега реки, катящей свои воды с ледяным, металлическим шумом, в мире камня, туманов и величавой тишины, как странное сказочное видение, возникает перед вами небольшая русская церковь с зелеными луковками. Слово попал куда-то в Загорск или в Новгород.

Церковке четверть тридцать лет. Она носит имена русских княжичей — Бориса и Глеба (отсюда и название поселка: Борисоглебск).

Люся Мазукаева с сыном Илюшей.

Фото Ф. Косинца.

Неподалеку от старинной церковки завершается строительство Борисоглебской гидроэлектростанции. Там, где течение Паза сужается и с обеих сторон на реку наступают мощные скалы, где недавно ревел пятиметровый водопад, сооружена железобетонная плотина; одним концом она упирается в норвежский берег, другим — в советский.

В нынешнем году не позднее осени станция должна дать промышленный ток. Его ждут на рудниках, в заводских цехах, на железной дороге, в быстрорастущих новых поселках района Никеля.

В строительстве Борисоглебской станции по приглашению Советского правительства участвуют норвежские инженеры, техники и рабочие.

Мы пригласили норвежцев помочь нам обуздать дикий, непокорный Паз, но вовсе не потому, что сами не могли справиться с этой задачей. Наше правительство учитывало, что в Северной Норвегии много безработных и что стройка на границе может благотворно сказаться на укреплении дружеских связей двух стран во имя мира, прогресса. Поэтому и был подписан соответствующий контракт с фирмой «Нор-электро» в Осло.

— Надо сказать, что норвежцы неплохо выполняют свои обязательства. Все объекты сдаются по графику, — рассказывал мне один из руководителей стройки, Владимир Алексеевич Степанов. Он инженер, коммунист, с юношеских лет влюблен в Заполярье, участвовал в создании Кольского энергетического кольца — мощной системы фабрик света и тепла на Ниве, Туломе.

Скоро в могучее течение этого кольца вольется и энергия, рожденная на пограничной реке Паз.

На высоте и в глубине

Поселок Никель получил свое имя от руд серебристого металла. Руды лежат глубоко под сопками, кольцом окружающими поселок.

Самое характерное в облике Никеля — две устремленные в небо высоченные трубы комбината «Печенганикель».

Серебристый металл гибок и тверд, ковоч и тягуч. Без него не обойтись ни при выплавке специальных сталей, ни при изготовлении радиоаппаратуры.

Перед войной хозяйничали в этих местах концессионеры-канадцы. Потом рудник, обогательную фабрику и плавильный цех захватили гитлеровцы: фашистский «райх» остро нуждался в никеле для своих самолетов и прочей военной техники. Гитлеровцы вывозили никель морским путем.

Плавка никелевой руды всегда сопряжена с выделением вредных газов. Поэтому при плавильных печах строятся мощные вытяжные трубы. Чем выше такая труба, тем лучше тяга. Канадцы построили трубу высотой в 152 метра. И вот эту трубу взорвали гитлеровцы, когда бежали из Заполярья.

Завод лежал в развалинах.

За границей мало кто верил, что советским людям удастся скоро возобновить производство никеля. Особенно сложным представлялось восстановление уникальной вытяжной трубы. Ведь класть трубу приходилось в условиях полярной зимы, когда царит ночь и спит глаза пурга.

За дело взялись наши инженеры, техники, монтажники — их прислали Ленинград и Мурманск. Среди командированных почти все были коммунистами и комсомольцами.

Сейчас рядом с восстановленной 152-метровой горделиво высится ее сестра — 160-метровая труба.

Комбинат сильно расширяется. Скоро вступит в строй новый плавильный цех. Пролеты в нем будут значительно шире, чем в старом. Все оборудование современное.

Чтобы попасть в камеры (забои) рудника «Каула», где добывается никелевая руда, нужно сначала проехать километров пять по подземной дороге. Я втиснулся с рабочими утренней смены в вагончик электропоезда. Вагончик был узкий, с низкой железной крышей, моя каска стукнулась об нее, когда я вошел.

Рядом со мной уселась молодая, хрупкая с виду женщина, одетая в такую же робу, как и все горняжки. Лампочку она прикрепила к каске, а в руке держала небольшой фанерный баул.

Нас познакомили. Зовут эту женщину Вера Викентьевна Трусова. Несколько лет назад Трусова приехала в Заполярье из Вологодской области, где она окончила фельдшерско-акушерскую школу. Три года работала в родильном доме. Но однажды от мужа-слесаря она узнала, что в руднике решено открыть здравпункт. Тогда Трусова пришла в райздравотдел и настояла, чтобы ее направили туда фельдшером.

Мы долго ехали узким коридором штольни. Но вот остановка. Горняжки высыпали из вагончиков и разошлись по своим рабочим местам.

Глубоко в чреве горы гремит отбойный молоток. Поблескивают зерна петландита — желтоватой никелевой руды.

Вслед за Трусовой я спускаюсь с горизонта на горизонт, перехожу из камеры в камеру. Женщина неутомима. Все ее знают, все дружески окликают:

— Добрый день, Вера Викентьевна!

А она интересуется, нет ли на каком-нибудь дальнем участке признаков присутствия угарного газа. И как самочувствие такого-то забойщика, который недавно жаловался, что при работе немеют пальцы. И почему другой горняк перестал посещать фотарий, где производится столь полезное для организма облучение ультрафиолетовыми лучами.

— Забот много, — говорит Трусова. — Возьмите такой вопрос: сильный шум от пневматических молотков влияет на слух рабочего. Как бороться с шумом? Горняки по старинке затыкают уши ватой. Но это мало что дает. Мы добиваемся, чтобы всем горнякам выдали хорошие пластмассовые противошумы и чтобы ими удобно было пользоваться.

На шестом горизонте Вера Викентьевна толкнула в скале деревянную дверь. Я шагнул вслед за ней и остановился в изумлении.

Здесь ярко сиял электрический свет, отражаясь от белых стен. В помещении было тепло и сухо. Блистали какие-то пузырьки на полочке. На столе аккуратно разложены медицинские брошюры, памятки.

— Подземный здравпункт, — сказала Трусова. — Больше трехсот метров от поверхности. Но мы можем здесь сделать и операцию, если понадобится.

«Заполярные Черемушки»

От Никеля дорога ведет к побережью океана. Шоссе прорезает глухие, безлюдные пространства горной тундры. На протяжении нескольких десятков километров можно никого не встретить.

Но вот дорога стала забирать в гору. И вдруг в сизых сумерках возникает перед вами картина, похожая на мираж. Горизонт мерцает светящейся линией многоэтажных каменных зданий.

— Вот они, наши «Заполярные Черемушки!» — весело говорят в машине. — На один фонарь меньше, чем в Москве.

Нет, это не мираж. Это действительно город, первый город на древней печенгской земле.

До океана отсюда сорок один километр. Лет восемь назад сопка эта так и называлась: «Сорок первый километр». На «Сорок первом» свирепствуют ветры, в метель тут негде укрыться. Суровое, неласковое место...

Почему же именно его выбрали для строительства города? Тут надо вернуться к вопросу о серебристом металле.

В черте поселка Никель имеются запасы этого металла. А после войны геологи нашли новые месторождения. Нашли вот здесь, неподалеку от «Сорок первого», под дном озера.

И вот тогда партия бросила клич к молодежи: поехать в тундру у Печенги, чтобы построить здесь крупный промышленный узел — карьер, обогатительную фабрику, плотину, ТЭЦ — и город!

Посмотрим в светлый час на город Заполярный с вершины водонапорной башни. Отсюда видно далеко окрест... Мачты буровых станков, стрелы экскаваторов. Там дно осушенного озера, там рудник. В отличие от Никеля руду тут добывают открытым способом. Это и производительнее и куда легче.

Дальше — станция Заполярная... Выпуская тугие белые клубочки пара, бежит по рельсам локомотив. Вот он остановился напротив красноватых железных колонн обогатительной фабрики. Там никелевая руда будет освобождаться от всех примесей, чтобы потом превратиться в полупродукт — файнштейн. Из файнштейна получают уже чистый металл.

Захватывает вся панорама строительства, полная жизни, движения.

Смотришь на высокое небо над сопками и вспоминаешь: а ведь в этом заполярном небе учился летать Юрий Гагарин! Он в космосе, его сверстники здесь, на земле, на весь мир славят родину коммунизма.

Я пишу о Заполярном с особым чувством. Ведь я помню первые палатки и щитовые домики, поставленные на сопке посланцами комсомола. Помню рождение первого ребенка у новоселов и первую смерть, унесшую из коллектива строителей юную девушку. Ее звали Люся Худовекова, она погибла при аварии автомашины, когда в ненастье поехала с бригадой за песком для строительства. До сих пор тот поворот дороги на песчаный карьер местные шоферы с добрым и грустным чувством называют «Люсин поворот».

Все тут доставалось ценой огромного труда. Пока провели воду из озера, пока дали первое тепло в дома, пока наладили снабжение, открыли магазины, столовую, построили больницу, а потом родильный дом...

Перед первым уроком

Почти 200 тысяч человек посещают ежедневно столичный магазин «Детский мир». А сейчас, в канун нового учебного года, здесь особенно оживленно. Покупают школьные форменные платья, книжки, тетради, карандаши, портфели, ранцы.

— Ну-ка, примерь, — оглядывает Нина свою подружку, теперь уже первоклассницу Олю.

Фото Н. Маторина.

У карты родной страны

В безлюдной тундре вырос город Заполярный. А начался он с этого маленького деревянного домика, в котором жили строители.

Фото Ф. Косинца.

Мне не раз приходилось участвовать в деловых заседаниях исполкома Заполярного городского Совета. Собственно, горисполкомом стал он совсем недавно, 1-го февраля нынешнего года, когда поселок официально был преобразован в город. В этот день все заполярье ходили именинниками. Не шутите — город!

Председатель исполкома Заполярного Лина Александровна Серикова начала здесь скромной медсестрой. Муж ее, Владислав Сериков, — бригадир знаменитой на стройке бригады: где самый трудный участок, туда первыми идут сериковцы.

Зубастый человек Лина Александровна! Хорошо знает нужды строителей. Вместе со своим активом (в Совете много женщин) добивается, чтобы все справедливые требования жителей полностью удовлетворялись. Плохо было с транспортом — наладили. Появились автобусы, даже такси. Открыты большие магазины — не хуже московских, ленинградских.

Как-то зимой женщины пожаловались Сериковой, что не хватает в магазинах молока. Сразу полетели энергичные телеграммы в Мурманск, в Москву. На заседание исполкома был приглашен управляющий трестом «Печенганикельстрой» В. С. Корнин. С него потребовали, чтобы строители в самое ближайшее время закончили оборудование мо-

лочной кухни. И горисполком не успокоился, пока принятое решение не было выполнено. Теперь Лина Александровна хлопочет, чтобы завести вблизи города подсобное хозяйство, животноводческую ферму. Иметь не только порошковое молоко, но и натуральное.

Нельзя сказать, что все бытовые трудности уже преодолены. Не хватает в городе яслей, детских садов. Тесноват единственный пока клуб. Но «Заполярные Черемушки» уже snискали заслуженную добрую славу на всем Кольском полуострове.

* * *

Когда-нибудь будет написана волнующая история города юности за Полярным кругом. Теперь же, заканчивая этот краткий очерк, мне хочется рассказать только об одной человеческой судьбе. В ней, в этой судьбе, отразилась и судьба города.

Среди первых добровольцев была ленинградская комсомолка Люся Васильева, работница завода «Вперед». Ей было тогда около двадцати лет, однако она поражала зрелостью мыслей, решений, поступков.

Жизнь никогда не баловала ее. В годы блокады она потеряла мать, через несколько лет после войны умер отец. Люсю воспитывали детский дом, Дом пионеров, потом завод.

Здесь, на стройке, Люся вышла замуж за водителя Бориса Мазукаева, товарища по комсомольской организации. Он приехал на Север издалека, из Дагестана... У них родился ребенок, затем другой.

Но по-прежнему Люсю знает вся стройка. Она вступила в партию. Коммунисты избрали ее в партийное бюро. Как и раньше, она деятельный член правления клуба. И часто на клубных вечерах зрители аплодируют Люсе Мазукаевой, когда она звонко читает со сцены любимые стихи Маяковского.

Растут у нее два сына, два джигита. Летом вместе с мужем и ребятами едет проводить отпуск в Дагестан, в тот аул, где вырос Борис. И там ее очень любят.

Я провел вечер в этой дружной семье. Живут Мазукаевы в двухкомнатной квартире в одном из больших корпусов на Никелевском шоссе. Собрались друзья, такие же старожилы Заполярного. На кухне орудовал Борис. Он приготовил отличные блюда: мясо с луком по-кавказски, голубцы. Мы подняли тост за будущее.

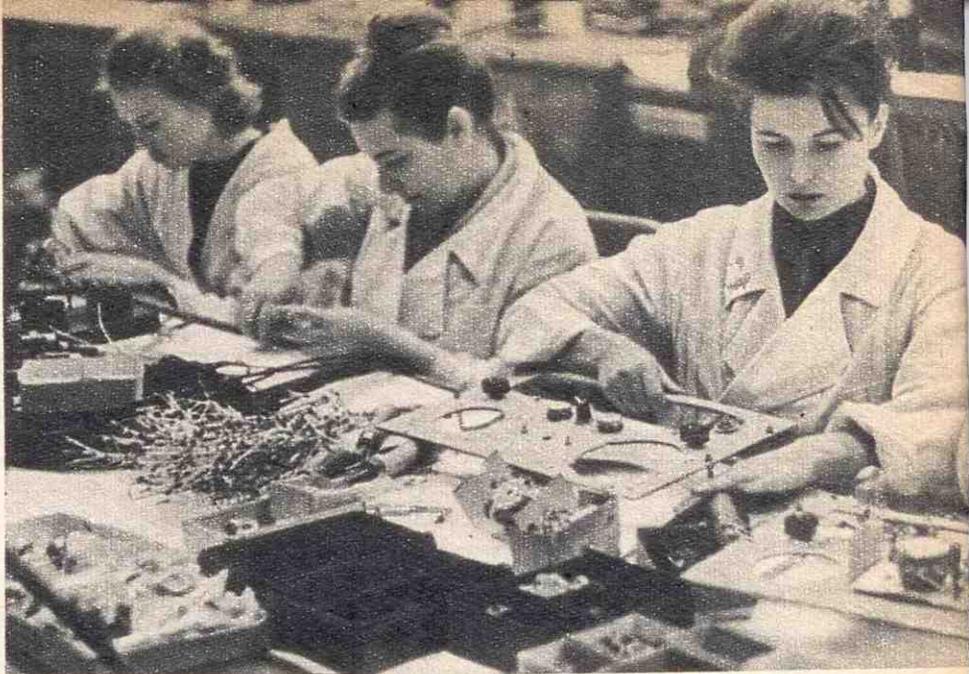
Среди разговора я услышал странный, тихий звук царапанья. Кто-то в маленькой комнате скреб дверь.

— А вот и еще одна жительница Заполярного,— сказала Люся и открыла дверь.

В ярко освещенную столовую вбежала крошечная, похожая на игрушку, живая белочка с высоко закрученным хвостиком. Она прыгнула на стол и уселась возле Люси. Та протянула ей кусок сахара. Белочка проворно зажала сахар острыми зубами, соскочила со стула и исчезла под шкафом.

— Там у нее запасы,— смеясь, сказала Люся.— Откуда она? Да из нашей тундры. Борис как-то привез из рейса. Знает, что я люблю зверушек...

Не знаю почему, но эта маленькая подробность сказала мне больше о счастье моих друзей, чем иные длинные рассказы.

„МЫ-ТОЛЬКО“

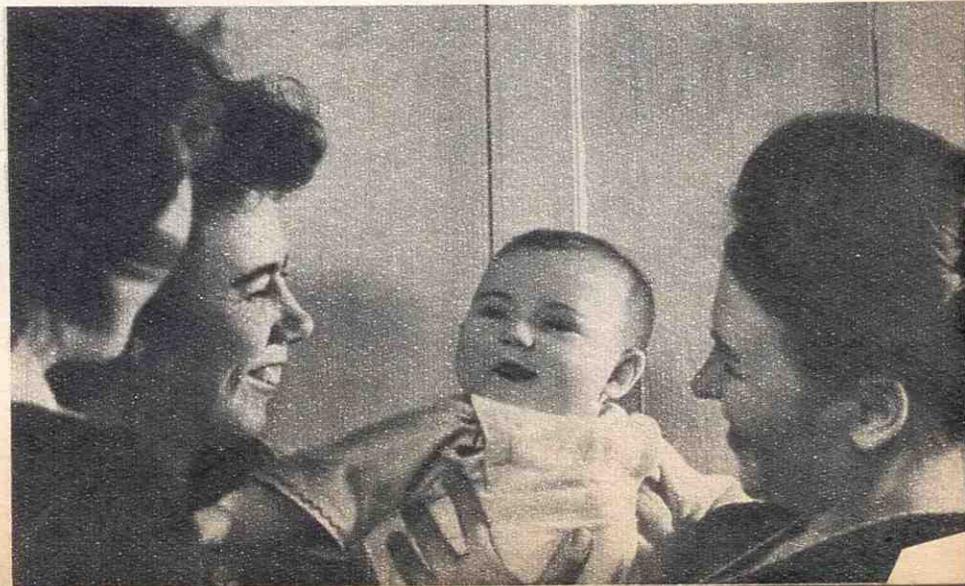

«Если б вы знали, как нам было неудобно фотографироваться! Ведь мы, в сущности, ничего выдающегося не сделали, чтобы о нас говорила печать. Мы только маленькая крупица в большом коллективе завода» — так начинается письмо бригадира Краснодарского завода электронизмерительных приборов Галины Литовченко. Письмо пришло в редакцию, когда фотокорреспондент еще не успел вернуться в Москву из командировки. И наш фоторассказ о бригаде девушек с ЗИПа хочется начать именно с этого письма.

«Лучше расскажите о нашем заводе,— пишет Галина.— Какие чудесные люди есть у нас! Механический участок цеха № 15, возглавляемый Евгением Иваницким, уже два месяца работает без контролера, под контролем рабочей совести. Когда

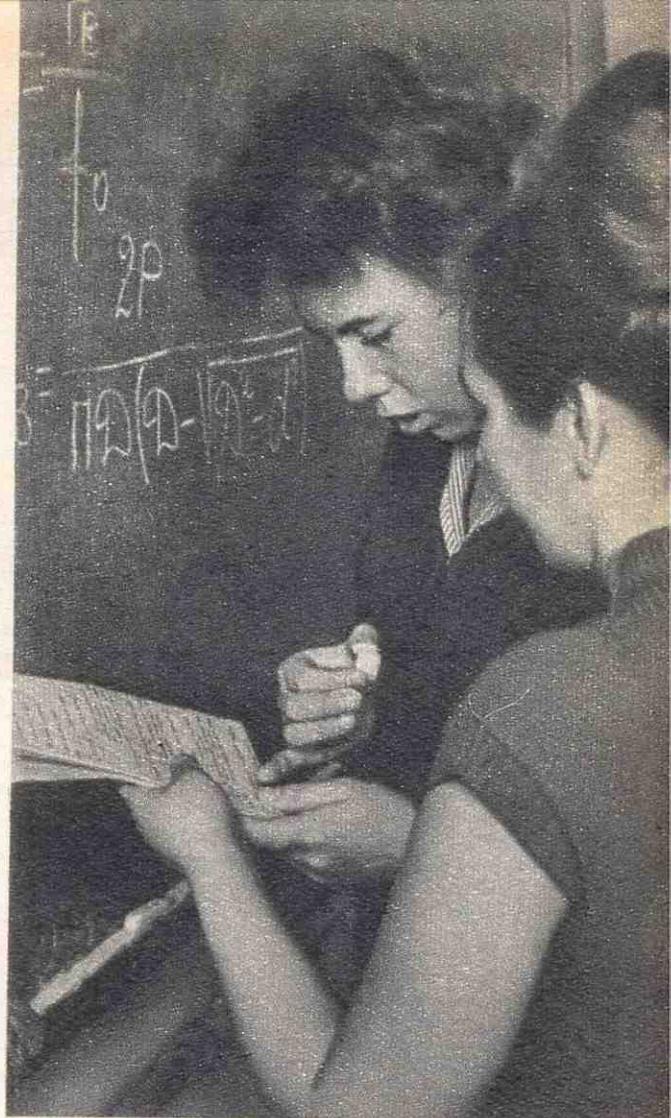
Коллективно решается и вопрос о фасоне нового платья.

Самый молодой «член бригады» — Лора, дочь Людмилы Садовой.

Девушки работают в белых халатах. Еще бы, их приборы должны отличаться особой точностью! На снимке (слева направо): Рита Чуприна, Людмила Садовая, Дина Жукова, Галина Литовченко и Галина Марченко.

Бригадир Галина Литовченко (справа) и Рита Чуприна помогают другу на занятиях в техникуме.

КРУПИЦА ⁶⁶

один рабочий имеет личное клеймо, это не ново, а здесь — целый участок.

Первая в крае бригада коммунистического труда Героя Социалистического Труда А. Лаврениевой сэкономила в первом квартале 900 метров ценного провода, 30 килограммов меди. Тысячи умелых рук создают приборы, которые уходят с нашего завода во все концы Советского Союза и земного шара. Электроизмерительные приборы с маркой «ЗИП» экспортируются в 36 стран мира: в Японию, Индию, ДРВ, Швецию, Норвегию...

Наш завод является как бы кузницей кадров специалистов для других родственных заводов. Наши, краснодарские, помогают налаживать производство в Чебоксарах, Грозном, Кишиневе.

Завод борется за звание предприятия коммунистического труда. Нашей бригаде уже присвоили это звание. Но одно дело — получить звание, а другое, более ответственное, — с честью носить его. Мало быть хорошим производственным, выполнять план. Надо вносить в жизнь что-то новое, передовое, искать это передовое, дерзать.

А мы еще мало сделали, чтоб о нас в печати рассказывать. И не потому, что девочки в бригаде плохие. Нет, вы так и не думайте. Я своих дедач очень люблю. Жалко, что мне не удалось обо всех как следует рассказать.

Недавно мы очень переволновались за одну из наших девушек. Заметили, что девушка стала куда-то исчезать после смены, а вечером неожиданно встретили ее с рабочим соседнего цеха — человеком худой славы: он ушел от одной жены, сейчас собирается бросать вторую...

Наша подружка совсем еще девчонка. За показной внимательностью не разглядела сущности этого человека. Ей нравилось, что и ей оказывает внимание взрослый мужчина, каждому слову которого она верила. Пришлось нам вытащить куманяна на солнышко, раскрыть девчонке глаза. Конечно, были и слезы и переживания. Но этот урок ей будет памятен на всю жизнь. Девушка как-то сразу повзрослела и еще больше привязалась к подружкам.

У меня, у Дины Жуковой и у Риты Чуприной была горячая пора — конец месяца, и мы как раз сдавали курсовые проекты, так что пишу скупое...

Вот такое письмо пришло с ЗИПа, и мы уверены, что тем, кто его прочтает, захочется познакомиться со скромными и дружными девушками из бригады Галины Литовченко. Фотографии, которые сделал в Краснодаре на заводе наш фотокорреспондент, помогут вам в этом.

Фотоочерк А. Шапиро.

Таня Швец (вторая слева) не чувствовала себя в больнице одинокой. Ее навещала вся бригада.

МИР - ТРЕБОВАНИЕ НАРОДОВ

Прошло уже больше месяца после окончания Всемирного женского конгресса. Давно возвратились к себе на родину делегатки разных стран. Они вернулись полные решимости с еще большей энергией продолжать борьбу за разоружение, за мир. Самое страстное и горячее их желание — сохранить мир и спокойствие не только для своих детей, но и для грядущих поколений.

Во главе этой благородной, мужественной борьбы — советские женщины. Вместе со всем советским народом, поддерживая миролюбивую политику нашего правительства, они последовательно и твердо отстаивают ленинские принципы мирного сосуществования стран с различными социальными системами.

Помните, какая удивительная атмосфера тепла и единодущия царила в Кремлевском Дворце съездов и во время заседаний и в дружеских беседах в перерывах между ними?

Английская делегатка г-жа Кэрвин, вернувшись к себе на родину, рассказывала на большом митинге в Лондоне о «волнующем чувстве дружбы, увезенном с конгресса». Она сказала, что делегатки расставались, как расстаются сестры.

В столице Коста-Рики Сан-Хосе состоялся митинг женщин, посвященный встрече с делегатками, вернувшимися из Москвы. Конгресс осудил империализм, колониализм и неоколониализм, все формы угнетения и эксплуатации народов, говорила Анна Елена де Мора, выступая на этом митинге. Большинство делегатов поняло, что первоочередная задача нашей борьбы заключается в обеспечении мира во всем мире, создании условий, в которых каждый народ нашел бы наилучшие пути к достижению революционных целей, стоящих перед ним.

Но, как это ни кажется невероятным, резкие, несправедливые слова против мирного сосуществования, против борьбы за мир, против разоружения были произнесены на Всемирном конгрессе женщин китайской делегаткой.

А возвратившись в Пекин, глава китайской делегации Ян Юнь-юй выступила там на митинге с клеветническими нападениями на международное женское движение. Она позволила себе ничем не обоснованные нападки на борцов за мир, осмелилась утверждать, будто бы «конгресс выхолостил задачу международного женского движения — бороться против империализма и колониализма, самовольно изменил его революционную и прогрессивную линию...»

Нетрудно понять, что трескучие фразы о «революционной линии», о «борьбе против империализма», которые произносятся китайскими руководителями, призваны отвлечь внимание общественности от основного смысла разногласий, возникших между китайской делегацией и подавляющим большинством борцов за мир.

Ведь речь идет о главном: быть миру или войне. Разногласия по этому вопросу не простое расхождение во взглядах — это спор о главной, решающей проблеме современности.

Китайские делегатки отражали политику руководства Коммунистической партии Китая, которое пытается доказать, что мирное сосуществование — иллюзия, а борьба за мир мешает революционной борьбе. Как не понять, что обеспечить мир — значит содействовать укреплению социалистической системы и, следовательно, содействовать усилению ее воздействия на весь ход освободительной, революционной борьбы? Как можно говорить, что национально-освободительное движение несовместимо с мирным сосуществованием, когда все успехи в борьбе за свободу и независимость были достигнуты в мирные годы? Именно за последние десятилетия на карте Африки появилось множество новых, независимых молодых государств.

Советское правительство, советский народ всегда оказывали и оказывают поддержку народам, борющимся за свое осво-

ждение, за свою национальную независимость, против империализма. Это не только моральная поддержка, но и материальная помощь борющимся народам. Это и активные действия в защиту стран, подвергшихся вооруженным атакам империалистов. Политика нашего правительства привела к провалу империалистических замыслов в Египте в 1956 году и предотвратила интервенцию в Сирии в 1957 году. Алжирский народ, народы Индонезии, Ирака и Вьетнама никогда не забудут помощи советских людей.

Советский Союз бдительно следит за происками империалистов. Наша твердость и решимость позволили предотвратить карибский кризис, грозивший перерасти в мировую термоядерную войну, и сохранить революционную Кубу.

Разрешение спорных международных вопросов мирным путем, путем переговоров, принятие согласованных решений великими державами — в интересах всего населения нашей планеты. Только самые агрессивные, авантюристические круги империалистических стран готовы пойти на риск ядерной войны. И не чудовищно ли, что некоторые китайские руководители доходят до того, что предлагают половина человечества, но, говорят они, вместе с миллиардами людей погибнет и капитализм!.. Задумываются ли они над тем, что гибель капитализма уже никому не будет нужна в атомной пустыне?

Нет, единственная возможность предотвратить такую катастрофу — добиваться мирного сосуществования. Мы стремимся к этому ради блага всех народов. Соотношение сил на международной арене таково, что решающее слово теперь принадлежит миролюбивым людям. Фатальной неизбежности войны в наши дни не существует. Мы видим, как миролюбивая политика Советского Союза, его добрая воля приносят реальные плоды.

5 августа в Москве тремя великими державами подписан договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Этот первый, но исключительно важный шаг на пути к предотвращению новой разрушительной войны — заслуга Советского правительства, доброй воли советских людей, результат борьбы защитников мира. Теперь можно рассчитывать на дальнейший успех в разрешении проблем всеобщего и полного разоружения. Создание мира без оружия и войны — страстная, заветная мечта всего человечества. И каждый новый шаг на пути к ее осуществлению находит горячее одобрение женщин-матерей.

Все мы, женщины всего мира, хотим предотвратить войну. Разве всем нам в равной степени не дороги наши дети, их спокойствие, их счастье? Может ли быть, что китайки менее озабочены, меньше думают об этом, чем француженки, русские, англичанки или японки? Я не сомневаюсь в том, что китайские делегатки, осуждая борьбу за мир, не выражают мнения большинства своих соотечественниц.

Советские люди с глубоким одобрением встретили Открытое письмо Центрального Комитета КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза. В этом письме дан достойный ответ на клеветнические выпады руководителей КПК, выражены мысли и чувства коммунистов, всего нашего народа.

Советские люди твердо верят, что те, кто не понимает главных, неотложных задач нашего времени, совершают серьезную, непрощительную ошибку. Они неизбежно остаются в одиночестве, в изоляции, ибо идут вразрез с интересами и чаяниями народов.

А. БЕЛЬСКАЯ

ТРОЕ ИЗ ДВУХ ТЫСЯЧ

Герард ЕЛЕНСКИЙ

Навек вошло в историю имя легендарного Спартака — вождя величайшего восстания рабов античного мира, человека, олицетворяющего собой силу и ловкость, бесстрашие и мужество, негибаемую волю и ум. И вот спустя двадцать столетий после восстания римских рабов, в 1921 году, именем Спартака рабочая молодежь Чехословакии назвала свой большой спортивный праздник с программой соревнований по нескольким видам спорта. Примеру чешских товарищей последовали комсомольцы Ленинграда и других городов Советской России. Так и появилось у нас новое слово — «спартакиада».

С той поры прошло много лет. Спорт давно стал у нас народным, а наши спортсмены завоевали славу сильнейших в мире.

Чтобы спорт стал еще более массовым, решено было проводить спартакиады народов СССР — смотр достижения в физическом воспитании. Первая из них проходила в 1956 году, вторая — в 1959 году, третья — теперь.

Весной миллионы юношей и девушек, мужчин и женщин участвовали в различных соревнованиях на первенство заводов, колхозов, школ, институтов. Потом прошли городские, областные и, наконец, республиканские спартакиады. 7 500 лучших получили право выступить в заключительном туре грандиозного спортивного конкурса — финале III Спартакиады народов СССР, в том числе 2 200 девушек и женщин. С тремя из них мы и познакомим наших читателей.

Из Вильнюса

1959 год. Жаркие августовские дни. Корреспонденты осаждают одно из студенческих общежитий Москвы, где разместились спортивная делегация Литвы. Всех интересует Лайма Балайшите, а ее саму — больше всего... громадная кукла с закрывающимися глазами. Беседовать с журналистами приходится маме — Брониславе Балайшите. Она когда-то считалась одним из лучших мастеров пинг-понга, а затем стала тренером. Бронислава не заметила, как ее дочка все чаще и чаще стала появляться у теннисного стола, играя со всеми, кто соглашался составить ей партию: не так-то легко было найти партнеров семилетней девочке. В десять лет Лайма выступила на турнире юных теннисистов Литвы, Латвии и Эстонии и заставила сложить оружие всех соперниц. Вскоре ей уже не было равных среди девочек не только Прибалтики, но и Советского Союза. В виде исключения Лайму допустили к соревнованиям со взрослыми женщинами. И что же? Она стала чемпионкой Литвы и самым юным в стране мастером спорта.

Когда одиннадцатилетняя Лайма приехала в Москву на финал II Спартакиады народов СССР, кто-то из журналистов назвал ее «внучкой Спартакиады». «Внучка»

Лайма Балайшите ловко парирует очередную атаку противника.

Фото Н. Хренникова.

сразу стала знаменитой. Интерес к выступлениям Лаймы привлек на всесоюзное первенство по настольному теннису небывалое число зрителей. Ее соперницы были вдвое, а то и втрое старше, сильнее, опытнее, но Лайма сражалась с ними на равных началах. Лайма играла в остром, атакующем стиле. Однако, увлекаясь нападением, она забывала о защите. Поэтому и не смогла девочка подняться выше четвертого места. Но и это было несомненным успехом.

Годы между второй и третьей спартакиадами изменили Лайму. В высокой девушке не узнать уже бывшей «внучки». Значительно возрос класс ее игры, более уравновешенным стал характер. В прошлом году ученица 2-й средней школы Вильнюса Лайма Балайшите стала чемпионкой СССР. Ей надо отстаивать этот высокий титул, что порой значительно труднее, чем завоевать его в первый раз.

Мастер спорта Валентина Крысанова на тренировке.

Из Подмосковья

Лайма Балайшите в одиннадцать лет выступала в финале Спартакиады, а Валентина Крысанова в тот год двадцатилетней девушкой впервые пришла на стадион. Техник-электрик одного из подмосковных заводов, она и не думала, что в спорте ее ожидает большой успех. Но спортивный наставник Вячеслав Макарович Евстратов опытным взглядом заметил немалые способности девушки и посоветовал Валентине заняться прыжками в длину. Уже к концу сезона девушка добилась отличного результата — 5 метров 54 сантиметра.

Однако дальше ее ждало разочарование: целый год билась, а прибавила к своему личному рекорду всего несколько сантиметров. Она уже начинала подумывать, не оставить ли ей это занятие. Но Евстратов удержал ее от неверного шага.

— Понимаешь, Валя, — объяснил он Крысановой, — ты добилась успеха только за счет своих природных данных. А техника у тебя еще очень слаба и скорость разбега неважна. Давай-ка займемся бегом.

То, что в спорте легко дается в 15—16 лет, в 20 достигается большим трудом. Но труда Валя не боялась. Понадобилось два года упорной тренировки, прежде чем секундомеры строгих судей зафиксировали первоклассный результат на «стометровке» — 12,4 секунды. И «тронулся лед» в прыжках в длину. Прыжок на 5 метров 95 сантиметров и звание чемпионки Московской области при-

нес ей 1962 год. А полгода назад на зимних всесоюзных соревнованиях в Ленинграде мы стали свидетелями легкого и красивого прыжка Вали на 5 метров 98 сантиметров. До нормы мастера спорта не хватило двух сантиметров. Будем надеяться, что в финале Спартакиады народов СССР будет достигнута заветная цель: шестиметровый рубеж — и Валя станет мастером спорта.

Из Харькова

С детства увлекалась Ирина конькобежным спортом. И в общество «Динамо» ее привела любовь к ледяной дорожке. Как только кончились холода, все члены конькобежной секции оседлали велосипеды. Ко всеобщему удивлению, у заядлой конькобежки обнаружился подлинный талант велогонщицы. Спустя год 18-летняя студентка политехнического института Ирина Кириченко стала чемпионкой республики!

На I Спартакиаде народов СССР Ирина заняла четвертое место среди мастеров велосипедной гонки, но после этого долго не могла добиться лучшего. Впрочем, объяснялось это тем, что Ирина не прерянно училась. В самый разгар велосипедного сезона обычно проходила экзаменационная сессия, а затем студенты отправлялись на производственную практику. Каникулы начинались только в августе, когда до чемпионата страны оставались считанные дни, и Ирина не успевала обрести спортивную форму.

Окончив институт, Ирина решила наверстать упущенное в спорте.

И вот пришел долгожданный день. На чемпионате СССР 1960 года Ирина выиграла свою первую золотую медаль в командной гонке на 3 километра. Через год появилась вторая медаль — за победу в заездах на 500 метров.

Как и большинство других мастеров гонок по шоссе и на треке, Ирина выступала на машинах иностранного производства. «А неужели нельзя добиться, чтобы такие же машины и даже с лучшими ходовыми качествами выпускались нашими предприятиями?» — думала Ирина.

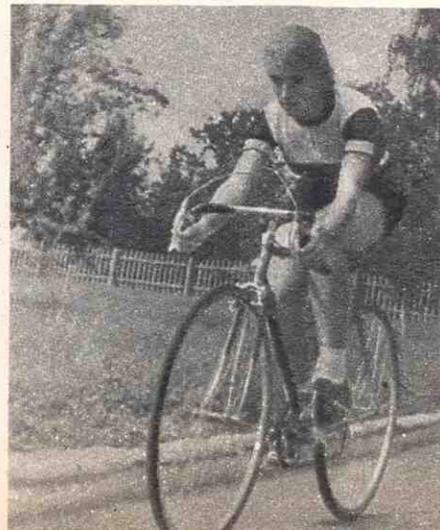
Инженер-механик, опытный гонщик, она решила участвовать в создании советских быстрходных велосипедов и поступила конструктором на Харьковский велосевоп. На прошлогоднем первенстве Ирина вновь завоевала золотую медаль. Радость ее была двойной: она выступала на машине, сделанной ее заводом, на машине, в создании которой была частичка и ее труда.

Ирина всегда тактически умело ведет гонку и вдруг в Италии, на миланском треке, во время розыгрыша первенства мира допустила непростительный промах: выпустила соперницу вперед. Одно утешение: первенство досталось все же советской спортсменке — тулячке Валентине Саввиной. Ирине пришлось довольствоваться серебряным призом.

Теперь соперницы встречаются вновь, но уже в финале III Спартакиады народов СССР. За выступлением Ирины Кириченко на московском треке с волнением следят все харьковские велостроители. Они болеют за своего товарища, отстаивающего честь заводской марки.

Ирина Кириченко упорно готовится к финальным соревнованиям Спартакиады народов СССР.

Фото В. Тутова.

Любовь Ли на своем участке.

Виктор КЛЮЕВ

Вряд ли поселок узбекского колхоза «Политотдел» можно назвать поселком. Это скорее небольшой город. И по числу жителей — их здесь несколько тысяч — и по городскому быту — в домах электрический свет, водопровод, газ. Впрочем, это не удивительно, колхоз богат: годовой доход его перевалил за шесть миллионов рублей.

День здесь начинается рано. Еще глубокие тени лежат в складках снеговых гор, еще только запевает пе-

тухи, а на улицах уже шумно: люди спешат на работу.

Я торопился на один из участков бригады Любови Ли — сегодня начался сев кукурузы. Еще издали, с полевой тропинки, увидел красный платок, стягивавший черные гладкие волосы бригадира; он ярким огоньком мелькал то у фыркающего трактора, то у сеялки, то у мешков с кукурузными семенами. Вот Люба по-молодому проворно векочила на подножку сеялки, одну за другой откинула крышки приемных банок.

— Хамра, Талиф, — позвала она, — несите семена!

Сеяльщики Нурматов и Салиев подхватили на руки мешок и приподняли его над первой банкой сеялки. Звонко стуча, полилась из него перламутровая струя отборных зерен. Потом сеяльщики поднесли мешок ко второй банке, к третьей...

Люба ровняла горки зерна, закрывала крышки. Когда все шесть банок были наполнены семенами, она соскочила с подножки. Коротко распорядилась, чтобы сеяльщики обозначили колышками первую борозду, натянули мерную проволоку. Как только они управились, Люба сказала молодому трактористу:

— Начнем, Алексей!

Тракторист поправил на голове съехавшую набок засаленную кепку и нырнул под брезентовый навес «Беларуси». Трактор вздохнул и ходко побежал вдоль натянутой проволоки. Тонко запищали диски сеялки, закружилась желтая пыль.

Вскинув козырьком руку к бровям, Люба, не отрываясь, следила за первым гоном трактора. А потом пошла по полю. Она то и дело останавливалась, нагбалась. Руками разгребала землю в борозде, что-то пристально рассматривала.

— В чем дело, Люба? — спросил я, догоняя ее.

— Ничего особенного, — ответила она. — Проверяю, правильно ли работают высевальные диски сеялки. В каждом гнезде должно быть не более двух-трех зерен.

Люба шла и шла, проверяя гнезда. Долго еще вслед за трактором кружил по полю ее огненный платок. Участок, который засеяли кукурузой, небольшой — всего восемь гектаров. Но если проверять хотя бы каждое тысячное гнездо, то и тогда пришлось бы нагibasья множество раз. А Люба проверяла гнезда гораздо чаще. Во время короткого перерыва я видел, как она присела в тени прикороженных тополей, как по широкому загорелому лицу ее ползли градинки пота. Она жадно пила из котелка холодную родниковую воду. И только светло-карие прищуренные глаза светились весело и задорно. Так светятся глаза у человека, которому труд в радость. И действительно, в труде Люба черпает новые силы, находит опору в беде, видит источник своего счастья. Она это почувствовала давно, в детстве.

* * *

Детство Любы прошло на Дальнем Востоке. Когда ей исполнилось восемь лет, ее из города отправили к деду. Он жил в маленьком домике на берегу бухты Анны. Дед часто на паруснике уходил в Японское море: он был рыбак. Провожая его, Люба долго махала рукой и слушала, как плещутся внизу морские волны.

Больше всего любила Люба те дни, когда дед оставался дома. Тогда они вместе садились в лодку и переплыва-

Вот, ведь, какая женщина!

Радость встречи

Помню первую встречу со стихами Ольги Фокиной. Записанные в тетради аккурратно «школьным» почерком, они ничем не отличались от стихов многих начинающих поэтов. В одних явственно ощущалось желание автора сказать оригинальнее, в других — чрезмерная простота граничила с наивностью. Особенно досаждала неопределенная, чересчур общая тематика. А ведь автору было что сказать людям: до поступления в Литературный институт Фокина работала фельдшером в глубинном медпункте Архангельской области.

И вот сейчас, через шесть лет, я держу в руках первую книжечку Ольги Фокиной — «Сыр-бор»... Даже от названия ее так и пахнуло неповторимой речевой образностью края былинных сказителей. Нежная и суровая красота знакомой с детства северной природы, где «на темном фоне строгих елей светлое девичество берез», передана в словах и чувствах свежих и прозрачных, как вода северных рек, что «журчат мастерица да вусна — не напиться!» Чувство природы для лирического поэта то же, что чувство мелодии для композитора. Им щедро одарена молодая поэтесса, и потому, как волшебным светом северного сияния, озарена этим чувством вся книга.

Образы северной природы закономерно присутствуют и в стихах о людях, окрашивая их в радостные или грустные, но всегда светлые тона. Проникновенны и трогательны стихи о матери, особенно «Под ветром — полей колыбель», где образы матери, брата, сестры возникают на фоне поспевающей ржи. С раскидистой черемухой, «вершиною поднявшейся над крышей», связан образ отца, погибшего за Родину. Дерево могуче: «Такого цвета поискать — не сыщешь, листья не встретишь гуще и темней». Лишь ствол черемухи, посаженной некогда отцом, «крив и узловат». Но те шрамы — знаки мужества и силы.

Святая память отгремевших дней.
...Спи, мой отец!
Цвети по всей России
Раскидистой черемухе твоей.

Глубоко понимает свой долг вчерашний десятиклассник, герой стихотворения «Он не уехал из колхоза». Свою личную судьбу он тесно связывает с судьбой родного края:

И мне над миром не подняться,
Не оторваться от земли,
Пока со мной не окрылятся
Края, что к сердцу приросли.

В стихотворении «Голуби...» Дитятно, нет, не голуби...» нашла свое отражение благородная профессия автора. В лесной деревушке мечется в жару ребенок. За стеной — выюга, а до медпункта семь километров.

Фельдшера надо. Пойдет ли ночью?
...Эта отказывать не поважена,
Встала на лыжи: «Тан путь короче».
И пошла, оставляя в овражинах
Снов недосмотренных синие ключья.
Фельдшер — неопытная девчонка,
Мчись, не заденет тебя волчица,
Мчись, ты в ответе за жизнь ребенка...

Путь, пройденный поэтессой, от рукописной тетрадки до первого сборника убеждает в том, что, подобно девушке-фельдшеру, Ольга Фокина не собьется с верной дороги, не покинет ее ответственность перед читателем.

Е. ОЛЕННИК

ли на противоположную сторону бухты. Дед греб и рассказывал внучке удивительные сказки: почему поссорились морские волны с прибрежными камнями, почему так тоскливо кричат чайки, почему глухо стонет далекое горное эхо.

На одной из прибрежных скал дед нашел крохотную солнечную полянку. Он вскопал землю, очистил ее от корней и посадил просо, морковь, капусту. И не было для Любы интереснее занятия, чем копаться с дедом на этом клочке земли. Жаль было только, что поляна очень маленькая.

— Подрастешь, станешь большая, — говорил дед, — и у тебя будет много земли. Тогда ты на ней вырастишь много-много проса, капусты. Их хватит не только нам, но и другим людям. Эти люди придут ко мне и скажут: «Спасибо тебе, дедушка, что ты воспитал такую внучку».

Потом, когда Люба стала постарше, она уже одна пересекала бухту и обрабатывала полянку. Ее не пугали ни дождь, ни ветер, ни медведи, которые иногда забредали на огород.

— Отчаянная у меня внучка, — радовался дед, — ничего не боится. Такой и надо расти, Любаша. Жизнь хлипких людей не любит...

С тех пор прошла длинная вереница лет. Жизнь привела Любу в Узбекистан, далеко от тех мест, от той крохотной полянки на берегу бухты Анны. Давно уже нет в живых деда, а вот любовь к земле, зароненная им в душу внучки, живет до сих пор.

К тому времени, когда она оказалась в «Политотделе», Люба потеряла не только деда, но и родителей и мужа. На руках у нее осталось трое маленьких сыновей. С утра до ночи работала она в поле, на ферме или по дому. Колхоз тогда был бедным. Урожай собирали маленькие, трудодни оплачивались плохо. А сколько забот с детьми! Это теперь в колхозе и пре-красные ясли и детские сады.

Помнит Люба, как осенью после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года в колхоз пришел председателем Ман Гым Хван. Новое правление начало с того, что изгнало из артели бездельников, сократило участки земли личного пользования. С помощью государства колхозники начали большие ирригационные и мелиоративные работы. В 1953 году в колхозе было всего лишь 874 гектара культурной земли, а в 1962 году за счет осушения болот ее стало больше на тысячу гектаров.

Постепенно артель набирала силу. Поднялись урожаи кенафа, хлопка, стали увеличиваться колхозные доходы. Появилась новая техника, пришли опытные специалисты. Люди потянулись к книге, к науке. В эти годы Люба вступила в партию, стала отличной дояркой.

Она старательно ухаживала за своими коровами, но кормов всегда не хватало. Вот тогда-то и заговорили о кукурузе. Решили создать кукурузоводческую бригаду. Бригадиром стала Люба. Бригада ее прославилась небывалыми урожаями зеленой кукурузной массы. Собирала и по 1850 и по 1967, а в прошлом году — 1979 центнеров с каждого гектара.

Не счастливым стечением обстоятельств и не каким-то чудом объясняются эти рекорды. У кукурузоводов много своих профессиональных тонкостей. Взяв хотя бы квадраты. Не получатся они точными — значит, нельзя будет ни пропалывать, ни убирать кукурузу машинами. Все придется делать руками. А это тяжело и дорого. В бригаде Любы Ли никогда, даже в самом малом, не отступают от агротехники.

И еще очень важно, что Люба и ее друзья постоянно ищут, экспериментируют. Для поливных земель есть несколько сортов и гибридов кукурузы: «имеретинский», «узбекская белозубая» и другие. А Люба решила поискать, нет ли чего-нибудь нового, лучшего. Стали пробовать другие сорта. Колхозникам помогали ученые. Особенно академик-селекционер Борис Павлович Соколов. Он вывел специально для орошаемых земель сорт «днепровская-200». Прошлой весной бригада засеяла этим сортом 139 гектаров. Академик приезжал в колхоз, был на участках Любы, давал советы, выслушивал мнения кукурузоводов. Опыт удался — теперь доказано, что «днепровская-200» может великолепно расти не только в Узбекистане, но и в других республиках Средней Азии.

Сейчас бригада Любы Ли обрабатывает двести гектаров земли. Сбылись мечты деда: много у его внучки земли. Споряжается она этой землей как настоящая хозяйка.

Для колхоза «Политотдел» главное — хлопок. Значит, каждый лишний гектар, занятый другими культурами, — потеря «белого золота». Ведь с одного гектара собирают до 50 центнеров хлопка. Из него можно сделать 15 тысяч метров ткани, получить много масла и других продуктов.

И вот простой расчет из блокнота Любови Ли. Многие колхозы республики получают по 300 центнеров зеленой массы кукурузы. Если бы бригада Любы Ли собрала в прошлом году именно по столько — по 300 центнеров, а не по 1979, как было на самом деле, то, чтобы обеспечить скот кормами, пришлось бы засеять кукурузой земли в шесть раз больше. Колхоз получил бы значительно меньше хлопка.

* * *

Через несколько дней после начала сева я снова встретился с Любой. На этот раз в правлении колхоза. Люба пришла на совещание бригадиров прямо с поля, опустилась на стул и прислонилась щекой к прохладной стене. Через минуту веки ее сомкнулись. Один из бригадиров взглянул на нее, улыбнулся и предложил:

— Надо бы Любу отпустить. Она сегодня закончила сев. Совсем умаялась.

— Люба, Люба, иди отдыхай! — раздался голос.

Она очнулась, не понимая, почему назвали ее имя, встала и сказала:

— Мы уже отсеялись.

И никак не могла понять, почему улыбаются ее товарищи. А они радовались за нее, гордились ею. Вот, ведь, какая женщина!

САМОЛЕТ ЛЕТИТ В МАГАДАН

Р. БУЕВЕРОВ

Белой пеленой облаков затянулся оставшийся где-то далеко внизу Внуковский аэродром. Набрал высоту, воздушный лайнер взял курс на восток. Алла отвела взгляд от иллюминатора и оглядела светлый салон. Удобно устроившись в креслах, пассажиры непринужденно беседовали между собой. Сидевший рядом с Аллой пожилой мужчина переводил стрелки своих часов.

— Пусть будет по-нашему, по-магаданскому, — улыбнулся он девушке. И вдруг удивленно поднял брови. — Пойдите, пойдите, где же мы с вами встретились?

— И я вас помню, — оживилась Алла. — В Рыбачьем. Вы в клубе лекцию о международном положении читали. А потом были у нас в школе. Учительница я. Вспомнили?

— Да-да-да, — обрадовался собеседник, — конечно, вспомнил! Ну, а в Москве, что же, отдыхали или в командировке были?

Ответа не последовало. Девушка смущенно опустила голову.

...Год назад, после окончания Московского педагогического института имени Ленина, учительница литературы Алла Лаврова приехала в Магадан.

В облоно Лаврову направили в одну из школ на Охотском побережье. Она не возражала. В городе, как поняла она из разговора толпившихся в коридоре молодых специалистов, мест нет, а на периферию куда ни ехать — не все ли равно?

...Маленький катерок, меньше, чем речные трамвайчики, на которых Алла любила кататься по Москве-реке, бесстрашно резал морскую зыбь. Пассажиров было много. Среди них внимание

Аллы привлекли несколько человек, смуглые, узким разрезом глаз. «Интересно, кто они по специальности? Ну, хотя бы вот этот парень. Брезентовая куртка, высокие сапоги... Всего вероятнее, рыбак».

Рядом с парнем стояла девочка лет десяти. Вглядываясь в море, она время от времени дергала парня за рукав.

— Гляди-ка, гляди — топорик! Ой, как смешно он от катера убегает! А почему он не улетает? А, Петя?

— Молодой, наверное, — отвечал парень. — А ты вот посмотри туда — видишь? Нерпа! Ишь какая любопытная, у самого катера играет.

Алла тоже подошла к борту и увидела недалеко от катера торчащую из воды голову, напоминающую собачью, с черными круглыми глазами. Нерпа в своей родной стихии и всего в каких-нибудь пятнадцать метрах от нее!

К полудню катер причалил к пирсу небольшого рыбозавода. Пассажиры, подхватив свои чемоданы, вещевые мешки и какие-то ящики, быстро сошли на берег. На Лаврову никто не обращал внимания, и от этого ей стало грустно.

Узнав, где почта, отправилась туда. На вопрос, как добраться до поселка Рыбачьего, молоденькая девушка приветливо сказала: «Ну и повезло же вам! Как раз скоро туда машина пойдет, почту повезет. Из Москвы, говорите? Ну-ну, есть у нас и из Москвы».

...Колеса часто буксовали в мелком гравии и песке. С правой стороны тянулся берег моря. Был прилив, и волны с шумом разбивались о наносы из камня и деревьев-плавунов; выброшенных морем. Слева тянулся скудный лес. Около белого двухэтажного здания машина остановилась.

— Ну, вот и приехали, — сказал шофер.

Алла поселилась вместе с молодой учительницей математики Верой Николаевной в одной из комнат учительского дома. И началась новая жизнь.

По утрам они по очереди приносили воду из колодца, умывались, бежали в магазин за хлебом и маслом, готовили завтрак и шли в школу. Аллу назначили классным руководителем в 5-й класс. В школе учились русские, камчадалы и эвены, в основном дети рыбаков, охотников, оленеводов.

Так же, как и их отцы, они любили свой суровый край, восторженно рассказывали Алле Владимировне (теперь ее все так называли) об охоте, о том, как ловят в реке Яне огромных рыб — кету и горбушу. Вместе с ребятами ходила она в походы, и все понятнее становилась для нее суровая красота северного пейзажа.

«Мама, — писала она в письме домой, — как здесь красиво! Наш поселок раскинулся в устье реки Яны, впадающей в море. Представляешь, с одной стороны море, с другой — река. По ту сторону Яны — тундра, окаймленная синими сопками. Говорят, они очень далеко, хотя кажутся совсем рядом. Как

мне хочется добраться до них! Я уже тебе писала о наших учителях-охотниках, так вот, они обещали взять меня с собой к сопкам, когда начнется перелет гусей. Ты спрашиваешь, не холодно ли здесь? Нет, мама. Осень чудесная. А помнишь слова нашей соседки Мальвины Гидертовны: «В Колымском крае двенадцать месяцев зима, а остальное лето». Передай ей: неправда это!»

Алла писала матери часто, и редкое письмо не сопровождалось каким-нибудь интересным снимком. Она фотографировалась с оленями, на которых эвены собирались ехать в тайгу добывать белку, на берегу бушующего осеннего моря, среди учащих в школе и просто у себя дома... Мать видела на этих фото всегда улыбающееся лицо дочери, но не верила улыбкам. Она была убеждена, что ее Аллочке нездорово тяжело в этом далеком Рыбачьем.

В марте Аллу вызвал к себе директор.

— Вы не волнуйтесь, Алла Владимировна...

— Что-нибудь случилось? — встревожилась она.

— Да, что-то случилось с вашей мамой. Звонили из районо. Вам нужно ехать...

Утром Лаврова прощалась со школой. Учителя и ученики окружили нарты, на которых сидела укутанная в тулуп Алла.

По мере приближения к Москве тревога о матери все нарастала. А когда Алла наконец остановилась у дверей своей квартиры, сердце колотилось так сильно, что, казалось, стук его должны были услышать там, за дверью. Она перевела дух и судорожно нажала кнопку звонка. Дверь отворилась — и на пороге оказалась мать.

Алла кинулась к матери, упала на ее протянутые руки и, сразу обмякнув, заплакала неудержимо, навзрыд.

— Аллочка, доченька моя! — обнимая дочь и целуя ее в глаза, щеки, шептала мать. — Приехала, милая! Радость-то какая! Ну-ну, успокойся...

— Мама, что случилось? Как твоё здоровье?

— Потом, потом, доченька, — смущенно отвечала мать. — А я тебя, признаться, и не ждала так скоро. Хотя бы телеграмму дала. Я бы твой любимый хворост испекла.

— Но как же вызов, мама? С тобой что-нибудь случилось?

— Ничего, кроме того, что я очень тебя люблю, моя доченька, — ответила Ольга Павловна. — А помогла мне Мальвина Гидертовна. Через своего знакомого врача она достала справку о болезни. Я написала заявление в министерство, чтобы тебя отозвали в Москву. Я показала Мальвине Гидертовне твои письма, так она даже прослезилась. «Как вы, мать, — говорит, — можете так хладнокровно относиться к судьбе своего ребенка!»

Алла сидела молча, подавленная жгучей обидой. Потом глухо спросила:

— О каких письмах идет речь? Разве

я жаловалась на свою жизнь в Рыбачьем?

— Нет-нет, письма хорошие, но материнское сердце читает и между строк.

Ольга Павловна порывисто вынула из конверта сложенный вдвое тетрадный лист, развернув, пробежала его глазами.

— Здесь ты рассказываешь о ваших вечерах с Верой. Вот: «Соседи наши — очень хорошие люди...» Нет, не то. Вот дальше: «Из комнат, где живут семьи, слышатся разговоры, смех, детский лепет, а мы с Верой читаем или вспоминаем о Москве. Обычно эти воспоминания начинаются после двенадцати, так как наше чтение прерывается выключением света». Или вот здесь: «Знаешь, мамочка, я научилась колоть дрова. Колем с Верой, а соседи смеются. Это на самом деле трудно и, по секрету скажу, тяжеловато». И здесь: «По утрам мы приносим воду из колодца. А знаешь, как достается это ведро воды? За ночь вода так замерзнет и засыплется снегом, что приходится продалбливать лед. Другой раз не хочется идти, а надо, иначе завтрака не приготовишь...»

Ольга Павловна перебирала большую стопку писем и сразу находила в них нужное место. Видно, много раз их перечитывала.

— Здесь ты пишешь о работе: «Если осенью после занятий я не расставалась со своими пятиклассниками, то теперь меня мучает совесть, не слишком ли мало работаю я с ними вне школы. А что я могу сделать? Зима в Рыбачьем суровая, не пойдешь на сопку, как бывало осенью, здесь другой раз и носа не высунешь из дому. Бывает такая пурга, что ветер срывает крыши, и снег заметает жилища так, что приходится откапывать окна. Вот и попробуй поработать с ребятами в такие дни! Завидую я городским учителям — там кино, детские технические станции...» — Ольга Павловна прервала чтение, подошла, ласково обняла дочь за плечи. — Теперь ты больше не будешь завидовать. Мне обещали для тебя работу.

...Трудно было Алле уснуть в эту ночь. Она ворочалась с боку на бок, закрывала глаза и даже пробовала считать, как бывало в детстве.

Во сне, который все же пришел под утро, Алла видела себя в классе объясняющей новый урок.

Когда Алла проснулась, матери не оказалось дома. На столе лежала записка: «Завтрак на кухне. Подогрей кофе. Буду в час дня».

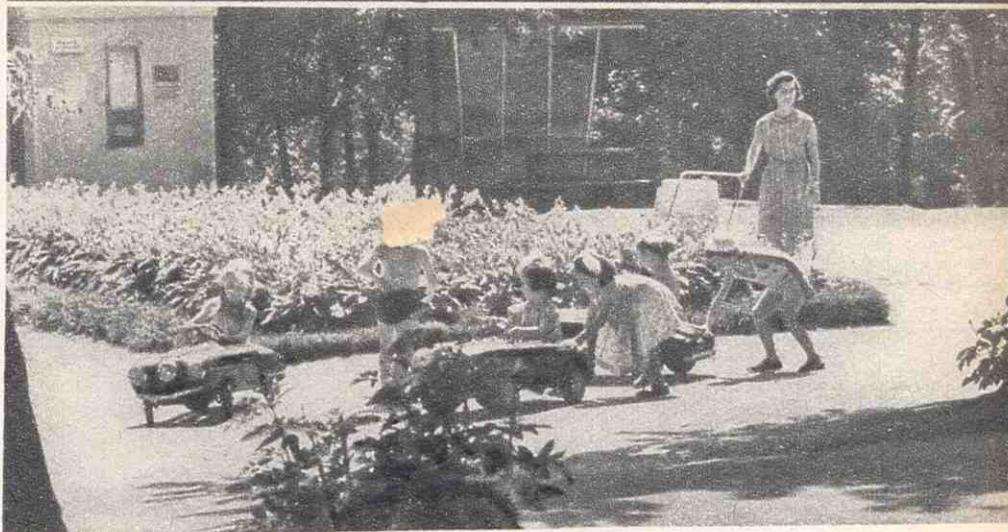
Алла сбросила одеяло и подошла к окну. Вот она, Фрунзенская набережная! Мчатся троллейбусы, легковые автомобили, спешат куда-то люди. Жизнь! А что сейчас в Рыбачьем? Алла посмотрела на часы. Стрелки показывали одиннадцать. Там сейчас семь часов вечера, ребята давно уже из школы пришли. Интересно, кто вел вместо нее уроки русского языка и литературы? А вдруг никто? От этой мысли стало как-то холодно, неуютно. Набережная перестала радовать...

Лаврова улетела через три дня.

«ИЛ-18» все дальше и дальше уносил ее на восток. Алла взглянула на соседа.

— Вы спрашиваете, по какой причине была я в Москве? — Она прямо посмотрела в его ласковые, прищуренные глаза. — Просто по недоразумению... Сколько там по-нашему, по-магаданскому?

Как вас обслуживают?

«Автокросс» на дорожках городского парка доставляет много радости его маленьким участникам.

Л. БУРМИСТРОВА

Орел, телефон 22-18

А. П. Иноземцева.

Если, приехав в Орел, вы позвоните по телефону 22-18, вам ответит Анна Павловна Иноземцева, главная хозяйка Бюро добрых услуг. Она всегда на месте и в любое время готова прийти на помощь людям.

Популярность Бюро добрых услуг в городе велика. В этом я убедилась, когда сидела вместе с Анной Павловной в ее небольшой и пока еще скудно оборудованной комнате. Нашу беседу то и дело прерывали телефонные звонки.

— Алло! — снимая трубку, говорила Иноземцева. — Вы хотите послать розы? Покупать сами будете или доверите нам?

А когда голос в трубке назвал адрес, Анна Павловна понимающе улыбнулась. Уже не раз по этому адресу работники бюро носили подснежники, ландыши, фиалки... А теперь вот розы.

— Судя по всему, быть скоро свадьбе, — сказала Анна Павловна.

— И вы лишитесь своего постоянного клиента, — добавила я.

— Не думаю, — возразила она. — Среди наших заказчиков много молодоженов. Будет и эта пара. И правильно делают, что пользуются услугами бюро.

Я согласилась и, признаться, пожалела, что в дни моей молодости не было подобных бюро.

Снова звонок. На этот раз у кого-то предстояло семейное торжество и требовалась помощь: купить продукты, кое-что приготовить.

— Только, пожалуйста, пришлите Антонину Михайловну, — слышно было из трубки.

— А это кто такая? — спросила я у Анны Павловны.

— О, вы еще не знаете нашу Антонину Михайловну Кирпичеву? Это мудрая наставница молодых хозяек, расторопная помощница пожилых и гроза нерях. Вот почитайте, что пишут о ней заказчики.

Листаю книгу отзывов. Одни благодарности. Работница часового завода Г. Никитина дважды приглашала Антонину Михайловну, пока сдавала экзамены в вечерней школе. «У этой женщины золотые руки, — написала она в книге. — За что бы ни взялась, все делает быстро, чисто, красиво. Я многому у нее научилась».

Мне рассказали еще об одной замечательной черте характера этой женщины, о ее душевности и чуткости. Как-то пришла Антонина Михайловна в дом к больной, ослепшей женщине. «Давно рука хозяйки ни к чему не притрагивалась», — подумала она про себя, а вслух сказала:

— Нужен ремонт. — Тут же успокоила больную: — Вам это ничего не будет стоить, все сделают бесплатно. —

А сама разволновалась: столько лет проработал человек, а заболела — и никто о ней не заботится!

Хлопоты о материальной помощи и бесплатном ремонте взяло на себя Бюро добрых услуг. Да еще договорились с общественницами, чтобы навещали больную.

...Дверь в комнату открылась. Вошла пожилая женщина. Видно, она очень спешила, одышка мешала ей говорить.

— Извините меня. Вчера мне привезли дрова. Ваш Виктор Логвинов разгружал и складывал их в сарае. Сделал все очень хорошо, а я, кажется, ему не доплатила. Проверьте, пожалуйста, счета...

Анна Павловна прикинула на счетах. Недоплачено шесть копеек.

— Ну и стоило ли так спешить из-за пустяка! — Голос у Анны Павловны мягкий, певучий. — Не последний раз свиделись, Виктор придет к вам еще, когда надо будет колоть дрова.

Учительница-пенсионерка Евпраксия Ивановна Фомина ушла успокоенная.

Были еще звонки и визиты: кому-то срочно понадобилось перетянуть тахту; у кого-то сломался телевизор, а тут, как нарочно, объявлены хорошие передачи; кто-то собрался шить пальто и просил прислать закройщика на дом; больному понадобился парикмахер... А некоторые просто сообщали: мастер был, все, что надо, сделал. Спасибо.

В деловые разговоры о цвете тканей

для пальто, о трубке для телевизора и запасных частях к швейной машине вдруг ворвался мальчишеский голос:

— Тетя Аня, мама поправляется, врач сказал, что скоро ее выпишут из больницы.

Это говорил сынишка Розалии Константиновны Шипиловой. За время ее болезни работники бюро помогали семье по хозяйству.

Штат постоянных работников бюро невелик, и, по мнению Областного управления бытового обслуживания, нет нужды его увеличивать. За чем держать своих мастеров, когда в городе много специализированных мастерских и комбинатов? А договор, заключенный с мастерскими, гарантирует быстрое выполнение заказов. Если же требуется починить ботинки, почистить или покрасить костюм, связать шерстяную кофту, — к услугам населения комбинат химчистки и трикотажных изделий. По телефону 51-97 можно вызвать работника комбината, он оформит заказ и доставит его на дом, когда будет готов. Комбинат хорошо оборудован, все работы выполняются отлично и в срок.

Но, что греха таить, все мы страдаем одним и тем же: весной вспоминаем, что с прошлого лета лежит нечищенный костюм, а осенью вдруг обнаруживаем, что промокают ботинки. Наша беспечность лихорадит комбинат: то сезонная горячка, то простой... И вот в Орле и в Нарышкине, Змиевке, Кромах, Мценске появились специально оборудованные крытые

фургоны. Приедут к дому — и по квартирам: у каждого найдется что сдать комбинату. А через 10 дней привозят вычищенные, отутюженные, починенные вещи.

Большой популярностью у орловцев пользуются пункты проката домашних вещей, где можно получить все: от рюмок и тарелок до пылесосов, стиральных машин и холодильников. Зайдя в один из таких магазинов, я обратила внимание, что куда-то увозят детские велосипеды, педалные автомобили и коней с колясками. В чем дело? Оказывается, пользуясь погожим днем, работники пункта проката отправляются в Парк культуры и отдыха. Там собралось много детворы, и эти великолепные игрушки будут им очень кстати. Бабушки и дедушки тоже останутся довольны: за двадцать копеек (стоимость проката) их внуки накачаются всласть. Хорошо придумано!

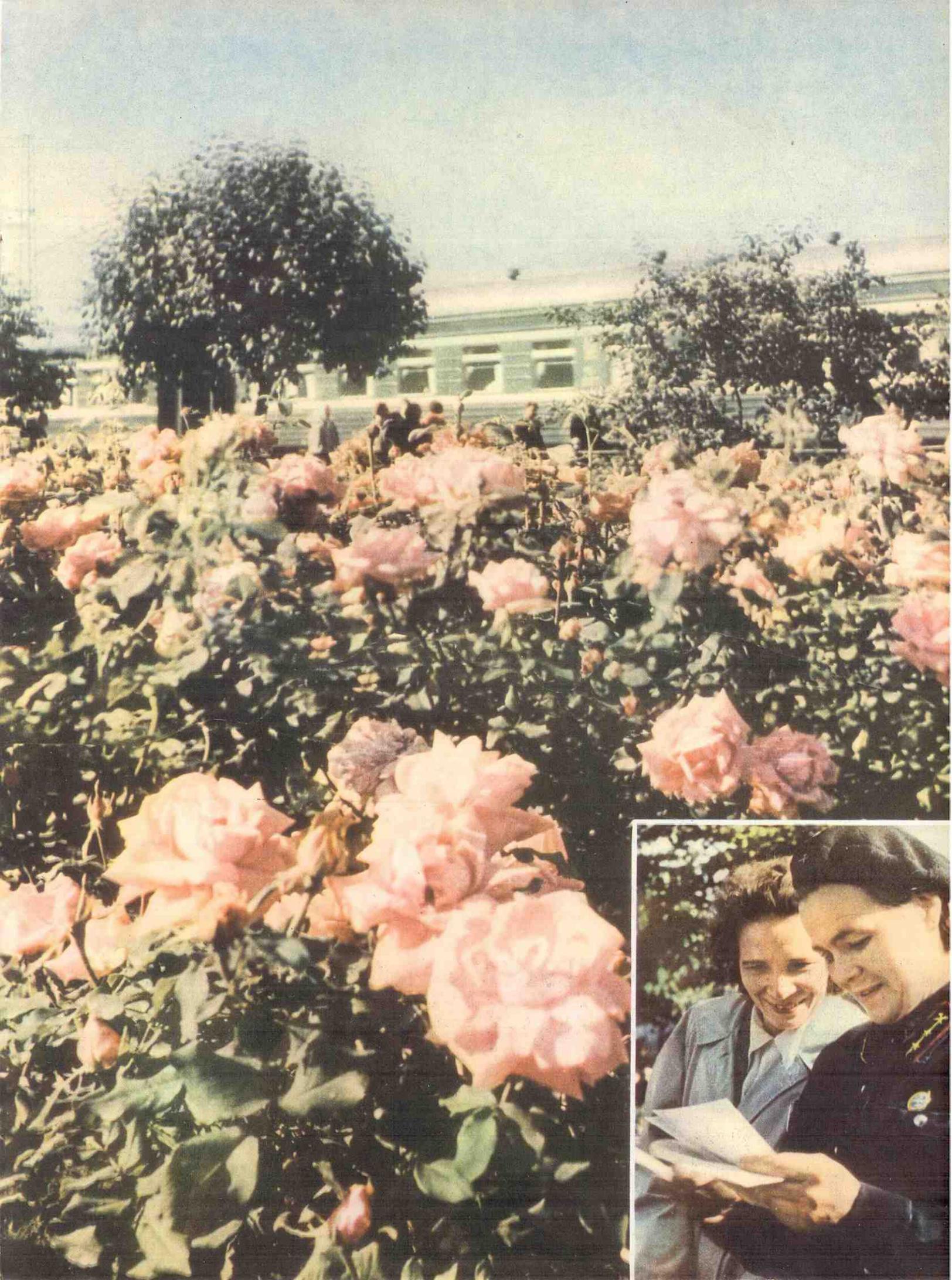
Такой творческий подход к делу я наблюдала у многих работников Управления бытового обслуживания. Узнали, например, орловцы, что в Киеве при ателье открыты комнаты «Шейте сами», и прикинули, что, пожалуй, можно немного потеснить ателье № 1, и тогда будет помещение для такой же комнаты. В Таллине и в Риге есть музыкальные салоны — скоро откроется салон и в Орле. Сейчас оборудуется специальное помещение, а инструменты уже закуплены. Кто-то предложил, что неплохо было бы организовать при Бюро добрых услуг репетиторские группы для занятий с отстающими учениками, и Анна Павловна завялась подбором кадров. Учителя-пенсионеры охотно берутся за это дело.

И все же есть еще проблемы, которые нужно срочно решать. У Областного управления бытового обслуживания большие трудности с автомашинами. Из имеющихся 28 машин на линии больше 17 не бывает. Остальные всегда в ремонте.

Еще не до конца продумана система оплаты за услуги. Если, например, вызвать из Бюро добрых услуг няню к ребенку, то нужно заплатить за час 36 копеек, а за двоих детей — 45 копеек. Ну, а если вам нужна няня не на час или два, а на 5—6 часов? Получается дорого, и по этой причине многие родители от услуг бюро отказываются. Думается, что следует ввести не часовую, а почасовую оплату и сделать ее более доступной. Следует подумать о льготной оплате за услуги для больных, пенсионеров. Услуги добрые должны быть всем доступны.

* На вокзале станции Орел есть свое Бюро добрых услуг. Круглые сутки дежурят там работники вокзала в свободное от работы время. Сегодня на посту старший кассир Тамсия Александровна Волобуева (снимок сверху). За свое дежурство она сделала много добрых дел. Вот и сейчас она помогает старушке сестре в поезд... Заботой о человеке проникнуты все дела этого коллектива коммунистического труда. Розы, которые вы видите во вкладке, — это тоже для вас, пассажиры: наслаждайтесь, радуйтесь! Их вырастили заботливые руки заместителя начальника вокзала Клавдии Васильевны Игошиной, работницы Евгении Федоровны Овчаровой (на вкладке внизу) и других железнодорожниц Орла.

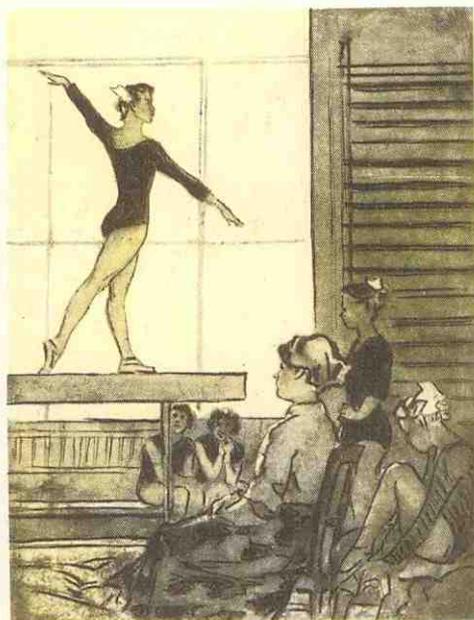
Фото А. Шапиро.

И. СЕРЕДИН. СОЛНЦУ И ВЕТРУ НАВСТРЕЧУ.

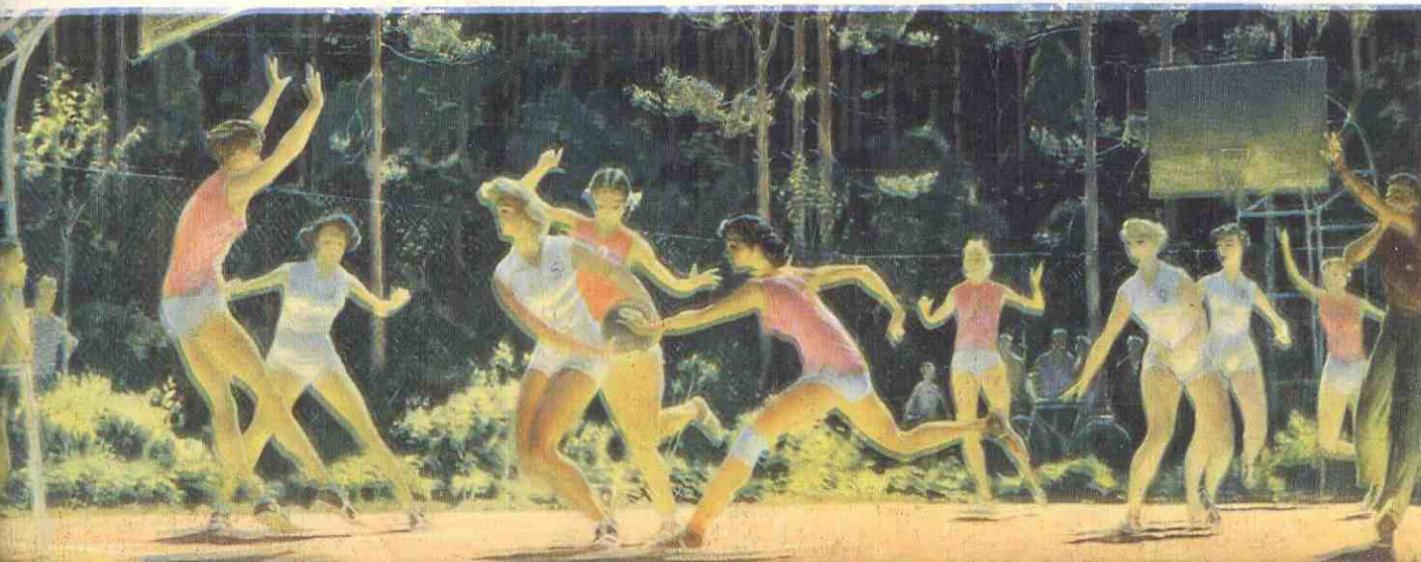
ЧТОБЫ ТЕЛО И

М. РОЙТЕР.
УПРАЖНЕНИЕ НА БРЕВНЕ.

Р. ГАЛИЦКИЙ.
У ФИНИША.

Ю. КОРОЛЕВ, Б. ТАЛЬБЕРГ. БАСКЕТБОЛ.

Ю. БАСОВ. ПО ДОРОГАМ ПОДМОСКОВЬЯ.

ДУША БЫЛИ МОЛОДЫ...

В. СУРИКОВ. МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ.

Государственная Третьяковская галерея.

В МУЗЕЯХ
СТРАНЫ

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Наталью Петровну Кончаловскую читатели знают как автора многих книжек для ребят младшего возраста и особенно книги в стихах «Наша древяная столица». Но едва ли многим известно, что писательница — автор русских текстов нескольких опер Моцарта, Обера, Массне, Верди.

В этом году литературная общественность отмечала шестидесятилетие Натальи Кончаловской и двадцатилетие ее творческой деятельности. В связи с этим она была награждена орденом Знак Почета.

Последние три года писательница работала над повестью «Дар бесценный», посвященной жизни и творчеству своего деда, знаменитого русского художника Василия Ивановича Сурикова. Книга выйдет в конце года в Детгизе.

Главу из этой повести, в которой рассказывается о том, как художник создавал картину «Меншиков в Березове», мы и предлагаем вниманию читателей.

Н. КОНЧАЛОВСКАЯ

ИСКАНИЯ, ПОИСКИ

В имени княгини Меншиковой под Клином сохранялся бюст Александра Меншикова работы Растрелли. Это был его лучший портрет. Суриков поехал туда и сделал с этого бюста несколько зарисовок. Показалось мало, он попросил знакомого художника Богатова съездить в имение и вылепить копию с растреллиевского портрета. Копия была вылеплена из простой печной глины, доставлена в Москву и отлита из гипса. Теперь портрет был под руками. И все-таки это был не тот Меншиков. Он был в зените величия — парик, букли, кружева... Не тот!

Василий Иванович перечитал все, что можно было прочесть о «светлейшем». В исторических рассказах Шубинского он наткнулся на такие строчки: «Несчастье произвело сильный нравственный переворот в Меншикове. Гордый, жестокий, властолюбивый и порочный во времена своего могущества, он явил в ссылке образец христианской добродетели, твердости, смирения и покорности воле провидения».

Но и этот образ совершенно не удовлетворял Сурикова. Не таким видел он Меншикова, и художник снова пулся в поиски.

И вдруг, уже поздней осенью, он встретил «такого». Он шел по Пречистенскому бульвару от Арбатской площади вверх. Неторопливо шагал по устланной влажным листом дорожке. Василий Иванович пошел за ним шаг в шаг. Старик не заметил его, в конце бульвара свернул в один из переулков, дошел до двухэтажного кирпичного дома и, резко рванув дверь, скрылся в подъезде.

Василий Иванович едва успел подскочить к парадному и заметить, как дверь захлопнулась за стариком на площадке первого этажа. Он подкрался к этой двери, как вор, и увидел на рваной клеенчатой обивке давно не чищенную медную дощечку. В полутьме он с трудом разобрал надпись: «Преподаватель математики Е. И. Невенгловский».

За дверью злобно рычала собака. Суриков дернул за кольцо на проволочке и услышал дребезжание коло-

кольчика в передней, шарканье и глухой голос: «Кто там?»

— Разрешите поговорить с вами, — робко произнес Василий Иванович.

Спустя мгновение дверь приоткрылась.

— Вам чего угодно? — Старик сверлил Сурикова злым взглядом.

— Мне надо вас видеть, сударь.

— Пустое. Я занят сейчас...

Пес рвался наружу, хозяин с трудом удерживал его за ошейник.

— Видите ли, я художник... — начал было Суриков.

— Ступайте прочь!.. Я занят и нездоров!

Дверь захлопнулась и защелкнулась на ключ.

Старый кирпичный домик в глухом переулке значился номером четырнадцатым. На следующий день Суриков снова отправился к этому дому. Какая-то тучная, неопрятная женщина, видно, кухарка, уверяла его, что хозяин нездоров и не принимает. Пришлось дать ей на чай, чтоб уговорила своего хозяина. Наконец старик, сам заинтригованный настойчивостью незнакомца, впустил его, провел на антресоли и, мрачно усевшись в кресло под полки с книгами, спросил:

— Так кого же вы с меня хотите рисовать?

— Суворова! — буркнул Суриков, боясь, что старик, чего доброго, обидится, если узнает, что должен позировать для Меншикова. Отставной преподаватель очень удивился и даже усмехнулся щербатым ротом.

— Какой же я Суворов? — А потом махнул рукой: — Ну, рисуйте, кого знаете, только поскорей... Пожалуйста, — прибавил он и уселся поглубже в кресло.

Он сидел, молча поглядывая на внимательное, светлое лицо странного гостя с живыми глазами, которые впивались в него зорко и влюбленно...

В этот единственный раз, что Суриков был у старого учителя, он унес от него великолепный небольшой портрет маслом. Вот от этого портрета и начались искания. Невенгловский должен был обрести душу и внешность великого временщика, опального вельможи.

Картина, уже вся скомпонованная, стояла на мольберте опять в той же самой маленькой мастерской в доме Вагнера, где писалось «Утро стрелецкой казни». Но в этот раз воображение и глаз художника стиснули границы существования этого могучего человека. Художник усадил его с тремя детьми на крохотном пространстве низенькой избушки. Холст был совсем небольшой. Четырнадцатилетний сын Меншикова Александр... Для него нашлась модель — молодой Шмаровин... Хорошо, семья была знакома — позировал с удовольствием.

Младшую дочь, Александру, он однажды увидел на улице. Идет барышня, блондинка, в черной каракулевой шапочке, руки спрятала в такую же круглую муфту. Идет и улыбается чему-то. Василий Иванович пошел следом за ней. Проводив до самого дома, он остановил ее, решив заговорить. Она испугалась, что незнакомец привязался, и ну барабанить в дверь. Выскочил разъяренный папаша и давай отчитывать незнакомца. Насилу разобрались. Оказалась она музыкантшей, консерваторкой. Познакомились. Василий Иванович был принят в доме и мог спокойно работать. А уж когда он привел к ним свою жену, то семья была окончательно покорена.

Каждый раз, как поиски увенчивались успехом и в мастерской появлялись новые этюды, начинались искания. Надо было от живых людей перейти к таким же убедительным и живым образам картины. Надо было перевоплощать. Консерваторка с золотой шевелюрой стала младшей дочерью Меншикова. И что-то в образе этой девушки было такое жизнеутверждающее, что, увидев ее, каждый чувствовал сразу, что жизнь ее еще не кончена. Вся она была полна жадного желания продолжать надеяться, радоваться, словно чуяла, что еще вернется в Петербург и не суждено будет ей погибнуть здесь, как старшей сестре, бывшей царской невесте. У этой — страшная судьба: ей никогда не увидеть воли. Хрупкая, покорная, сидит она в ногах у отца.

Василий Иванович писал ее со своей рано умершей жены Елизаветы

Августовны, которую очень любил. Писал, когда жена была уже нездорова.

— Вася! А почему же этих девушек выслали в Березов, ведь они-то ни в чем не провинились? — спросила как-то Елизавета Августовна.

Позируя мужу, она сидела на полу, завернутая в темно-синюю атласную шубку, взятую напрокат из театральной костюмерной.

— Из-за нее-то все и началось, из-за Марии. Внук Петра Великого Петр Второй возненавидел Марию уже только из-за того, что она была дочерью временщика Меншикова... — говорил Василий Иванович, выжимая краску из тюбика на свою маленькую палитру. — И она любила другого, она ведь была помолвлена с князем Петром Сапегой. Она с ним еще в детстве в жмурки играла. А Данилыч разлучил их. Понимаешь?.. — Суриков, прищуриваясь, вглядывался в темный атлас и кусок парчовой ткани, поддетый под шубку, словно бы богатое платье выглядывало из-под меховой опушки. — Он хотел быть отцом «государыни всея Руси»...

Василий Иванович смешал краски в нужный цвет и стал широкими, густыми мазками лепить парчовые полосы на белом атласе. Он отбежал, чтобы проверить, верно ли легли краски, тут же возвращался и снова искал цвета, соскабливал одни и клал другие.

— Какой он жестокий был, этот Меншиков! — тихо, словно про себя, сказала Елизавета Августовна.

— Жажда славы его обуяла, Лизонька! Он все готов был принести в жертву, даже сердце дочери... А через два года заступом сам будет долбить ей в мерзлой земле могилу... Это место трона-то! Вот как оно было... — Василий Иванович взглянул на жену и сразу положил кисти. — Отдохни, Лилечка. Снимай шубу.

Заметив тревожный взгляд мужа, Елизавета Августовна встряхнулась и словно вернулась к жизни. Он помог ей подняться с пола, стараясь разогнать что-то неуловимое и туманное, будто облако, повисшее между ними. Они вышли в столовую, оставив в маленькой мастерской кусок своей и чьей-то не своей жизни. Там в темноте меж бревенчатых стен уже сверкали, как драгоценные самоцветы: рубином — бархатная скатерть на столе, голубыми сапфирами — атласная юбка дочери, опалом переливался дубленый тулуп отца — от голубого к розовому, за молочко-сизым налетом топазом светилось лампадное масло в пузырьке на подоконнике...

Два источника проливали свет на всю эту группу. Мертвенно-белый свет из занедвевшего оконца и тревожный, трепещущий, красноватый — от лампы перед божницей, где, оправленные в золото и серебро, темнели лики угодников.

И сколько, несмотря на общий сумрачный колорит, здесь было сверкания и разнообразия цветов! Сколько выразительности в сжатой руке опального вельможи с тяжелым перстнем на втором пальце! Так и сидел этот кряжистый мужик, вырвавшийся в блеск, славу и величие и повергнутый в ничто. Сидел молча, не сетуя, не выдавая клокодавшего в нем отчаяния и бессилия.

Новые стихи

В КОЛХОЗЕ

Из кабины в кабину,
Из машины в машину,
Вместо «Белой сирени» —
Острый запах бензина.

Вместо тупелек модных —
Сапожищи чужие.
Вместо клумбы нарядной —
Осокори рыжеют.

Вместо дум невеселых
Да анализов вечных —
Столько доброй работы,
Что любого излечит!

Кубатура без меры,
Квадратура без краю,
Песня к горлу подходит,
Песня грудь расширяет.

Голос вырвался. Мой ли?
Голос вьется, летает.
Эх, сказать бы спасибо,
Да кому — я не знаю!

СЧАСТЬЕ

Что, собственно, нужно для счастья?
Краюха, да кружка воды,
Да мир: не из окон, не частью,
А весь — от глубин до звезды.

Да в сердце огромная радость,
Откуда взялась, не спроси,
Да доброе слово — награда,
Что будешь, как орден, носить.
Идешь налегке в солнце ярком,
Кулак показавши судьбе,
И жизнь впечатленья-подарки
Покорно подносит тебе.

Сажида СУЛЕЙМАНОВА

ПОДСНЕЖНИК

Еще навалом снег повсюду
и сон черемухи глубокий,
но в полный рост, подобно чуду,
встал меж сугробами цветов.
Подснежник белый, хрупкий,
нежный.

И я представить не могу,
как, сквозь покров пробившись
снежный,
он распустился на снегу.
Завидна все же участь эта.
Пусть жить ему немного дней,
но он самой весны примета —
он первый возвестил о ней!

* * *

Над землей кочет ветер,
низко стелется, летучий.
Целый день он гонит эти
фиолетовые тучи.
И от края и до края
только тучи, тучи, тучи.
Как измучена с утра я!
Жду я бури неминуемой.
Ты спокоен, полон силы.
Небо ясно над тобою.
Отвори окошко, милый,
я ворвусь к тебе грозою.
Хлыну ливнем, гряну градом,
и сердца, как два кресала,
я столкну, чтобы разрядом
молния нас потрясала.
Но порыв грозы недолог.
Туч проходят вереницы.
Видишь, молнии осколок
под окном твоим дымится.

Перевел с татарского
Алексей КАФАНОВ.

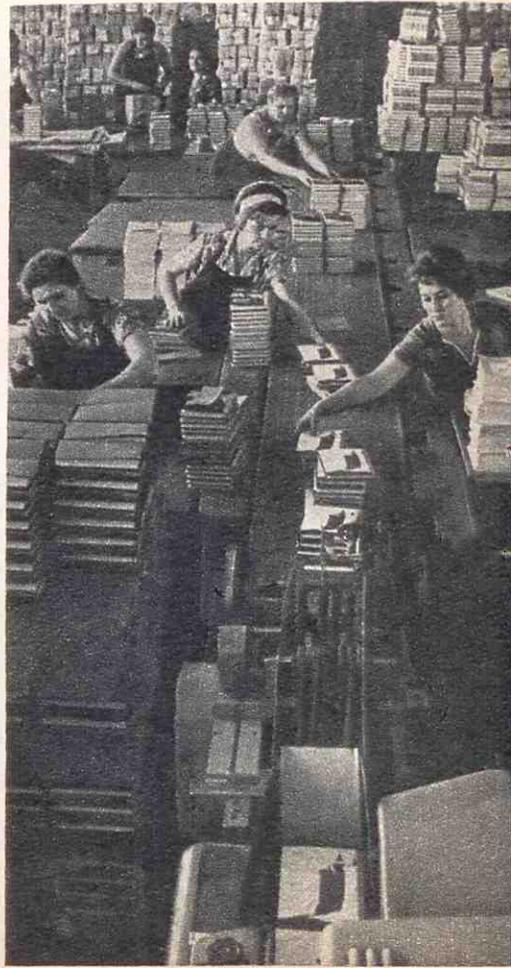
Перед первым уроком

Любовью и заботой окружает своих детей Родина. Как ласковая мать, хлопочет она, отправляя их 1 сентября в школу. Для них, для детей, — новые школы, учебные мастерские, спортивные залы; для них — учебники, наглядные пособия, тетради; для них — новая школьная форма, удобная обувь.

На снимках: В переплетном цехе Первой образцовой типографии в Москве. Здесь на трех линиях в день производится 60 тысяч учебников.

С этого учебного года школьная форма для мальчиков старших классов изменена. Взгляните: «по последней школьной моде» шьет костюмы кройщик производственного комбината при универсаме «Детский мир» Михаил Рафаилович Дальтовзин.

Фото Н. Маторина.

Не позволим тащить рухлядь в новый дом!

Обзор писем читателей

Пачка писем, в которой бок о бок соседствуют радость и печаль, твердая убежденность и трудные сомнения, дорогое, береженное счастье и горькая память о счастье, которого уже нет...

Читаю, перечитываю листки, пришедшие из ближних и дальних уголков страны. За каждым письмом — человеческое сердце, ищущее ответа или подсказывающее ответ на очень непростой, нелегкий вопрос. Об этике семейной жизни. О том, как добиться, чтобы и в быту отношения людей определялись правилами социалистического общежития, нашим моральным кодексом.

* * *

«Давайте продолжим разговор о том, от чего порой зависят мир и покой семьи, ее нравственное здоровье, от чего зависит ее счастье!» — таков смысл письма читательницы В. А., опубликованного в третьем номере «Работницы». Многих, очень многих эта коротенькая заметка заставила пристально взглянуть на свою жизнь, на жизнь тех, кто рядом.

Счастье в семье... Чем оно крепко? Об этом пишет Анна Никитична Липатова, жительница острова Артем: «В любую погоду — пусть выюга метет, пусть шторм лютует — муж мой добывает на Каспии нефть. Часто так бывает: он — с ночной, а я — к себе на производство. Вернусь — и в комнате прибрано, и обед сготовлен, и белье, что я постирала, просушено. Никакую работу по дому не считает зазорной, лишь бы мне было легче. И детей тому же учит. Чтобы помогли матери, жалели ее. Вот какой он, мой Яков!»

Чем крепко семейное счастье — об этом рассказывает и Эльвира Андреевна Рыбалкина из Сочи. Через большие препоны пронесли свою любовь она и ее муж Петр, эстонка и русский.

«Дедушка, — а я больше всего боялась его, — пишет Эльвира, — и думать о русском запрещал. Петр помог мне перешагнуть через этот страх. В 1937 году по злому навету арестовали моих отца и брата — Петр не отшатнулся от меня, своей невесты. Потом война. Но и она не смогла разделить нас. И ничто не способно разделить двух людей, если они любят и уважают друг друга, как мы».

И вам, Лариса Васильевна Алексеева из Орска, не на что сетовать. Дом, семья, работа — все вас радует. Рука об руку идет с вами заботливый, понастоящему любящий человек.

Двадцать восемь лет живут вместе

Липатовы; почти четверть века прошло, как поженились Рыбалкины; из троих детей четы Алексеевых уже и самый маленький ходит в школу. Годы позади, и чем больше набегает их, тем крепче, роднее отношения в этих супружеских парах. Отношения, основанные на истинном равенстве, взаимном уважении и взаимной помощи, на единстве своих, личных, и общественных интересов — единстве всего, что, в сущности, и составляет нашу многообразную жизнь. Эти семьи не исключение. Подобных им в нашей стране — подавляющее большинство. Такова природа советской семьи. Строй, при котором живут ее члены, дух, в котором они воспитаны и воспитываются, материальные и духовные блага, которыми они пользуются, — все несет счастье советской семье.

А несчастливые семьи тем не менее есть. И нельзя закрывать на это глаза, нельзя всем нам мириться с этой бедой. Она появляется не сама по себе. Тени прошлого, пережитки прошлого приносят ее.

«Я мать двоих малолетних детей. Прежде для моего мужа все счастье было в семье. Теперь он не с нами. Сперва ушел к одной, потом переметнулся к другой...» (Из письма С. С., Ташкент).

«Кончил работу — и к собутыльникам. Домой приходит пьяный, устраивает дебоши...» (Из письма А. Ш., Талдом, Московская область).

«Живут десять лет, у них четверо детей. В своем производственном коллективе он на лучшем счету: примерный, старательный! А дома бьет жену за то, что без его разрешения на свои же, заработанные купила себе пару чулок или иную мелочь...» (Из письма З. В., Бухара).

«Я делаю всю работу по дому, а просят мужа, чтобы принес воды, и не заикайся. Свекровь говорит: «Кто ты такая? Простая работница. А он инженер. Умственного труда человек! Нечего ему домашней работой заниматься. Что же удивляться, что и от него самого, от мужа моего, не знаю доброго...» (Из письма А. Л., г. Жуковский).

Вот в каком облике подчас врывается в нашу жизнь прошлое! Вот какие несчастья несет пьяница, дебошир, воинствующий мещанин! Не только близким — всему нашему обществу, и надо, чтобы и семья и общество как можно быстрее, самыми энергичными средствами приводили его в чувство.

Сколько натерпелась от мужа-дебо-

шира Евдокия Кирилук (Новосибирск), врагам того не пожелаешь.

«Однажды мы с сыном чуть не замерзли: прятались от него, от мужа и отца. Как в аду жила. Мне бы на работу пойти — запрещает. Понимал, что среди народа и я человеком себя почувствую. Долго так тянулось, пока совсем немогого стало. Ушла на производство. Поначалу мусор из цехов выносила, вагонетки водила. Потом станок освоила. Начала учиться, вступила в партию. Теперь я мастер цеха. И мужа как подменили. Шелковый стал. А чего бы я без людей, без их помощи добилась?»

Помогли люди и работнице С. Ш. (г. Красноярск), когда муж «загулял». Ему, между прочим, и до сих пор невдомек, что это по просьбе его жены коммунисты завода, на котором он работает, вели с ним беседу — из тех, что на слух не очень приятны, но отрезвляют почище холодного душа. Разумно поступила женщина!

Еще бывают случаи, о которых говорил на июньском Пленуме Центрального Комитета партии секретарь ЦК тов. Л. Ф. Ильичев: на производстве человек работает хорошо, а в быту нарушает правила социалистического общежития. Нет ничего плохого, если жена, не сумев повлиять на мужа, обратится за помощью к общественным организациям. Мало найдется женщин, которые идут сюда из-за мелких дряг. Приходят обычно с большим горем своей семьи. И жаль, что даже сейчас, после июньского Пленума, с такой ясностью определившего роль коллектива в воспитании людей, в борьбе с пережитками прошлого, не все понимают это.

«Расскажу о своем горе, — пишет омичанка Р. А. — Четыре года мы с мужем прожили прекрасно. Пятый прошел комом, наша семья на ничотке держится. Отчего? Муж стал пить. Не где-нибудь. На работе! А он член бригады, которой дали звание коммунистической, и даже фотография его на заводской доске почета. Хоть и работаем мы на одном предприятии, но долго собиралась с духом, пока пошла к его начальнику. Надеялась: поможет. А этот начальник лишь сообщил мужу, что я, такая-сякая, приходила жаловаться, да еще и приписал мне, чего я не говорила. Кончилось все тем, что муж, придя с работы, первый раз в жизни поднял на меня руку».

Р. А. не назвала ни предприятия, на котором она с мужем работает, ни начальника, что так бесчестно предал ее. Но вот другое предприятие с точ-

Елена Ефремовна Лысенкова — инженер-технолог, ее муж Михаил Иванович — механик, а Сережа пока школьник. Это — дружная семья и творческий коллектив. На Всесоюзном смотре любительских фильмов Лысенковы получили диплом за свою последнюю работу «Новые приключения Вуратину».

Фото М. Озерского.

ным адресом: Свердловск, турбомоторный завод.

«Мой муж — бригадир каменщиков отдела капитального строительства. У них там вошло в обычай каждую получку отмечать выпивкой, которая тянется по два-три дня. — Так начинается письмо работницы тов. Карповой. — Об этом знает начальник ОКСа, знают и в цехкоме и в партийной организации. Куда только я ни обращалась по этому поводу, — никакого толку».

Неужели это происходит на предприятии, где работает коллектив, известный на всю страну своими делами, доказывающий многими примерами свои способности воспитателя? Видно, сквозняк общественного мнения, так хорошо проветривающий основные цехи производства, еще слабо проникает в его дальние уголки.

Труд и быт — неразрывные составные части коммунистического образа жизни, напоминает партия. Ни один сигнал о неблагополучии в семье не должен гложуть в сутолоке других дел.

* * *

Миллионам и миллионам советских женщин присущи верность долгу, скромность, чистота помыслов, сердечность.

Но значит ли это, что все наши женщины свободны от пережитков, что сами они никогда не приносят в свою семью разлад?

Не прочтешь без волнения письмо Д. А. (г. Краснодар). Она пишет о самом близком ей человеке. О дочери.

«Они полюбили друг друга еще в средней школе. Через два года после того, как закончили школу, поженились. Мы, родные, просили погодить: он еще не служил в армии. Дочка ни в какую: «Люблю — и basta». Парень и вправду достоин любви. Всем взял: и умом и нравом. Жили — водой не разлит. Зять окончил техническое училище, дочь поступила в техникум. Ро-

дился у них сынишка, скоро после того ушел мой зять в армию. Там он во всем отличник, учится на курсах по подготовке в вуз. И вдруг дочка моя заявляет: «Не буду с ним жить, он мне не пара». Я обмерла от ужаса. «Ты же счастья своего не понимаешь», — толкую ей. Ничего не хочет слушать. Рушится молодая семья. Мое горе не описать».

Легкомыслие, как и любой проступок против норм поведения, не должно оставаться незамеченным. Хочу верить, что коллектив, в котором работает дочь Д. А., растолкует ей: грош цена человеку, если самое дорогое — дружба, любовь, судьба ребенка — для него не больше, чем игрушка. И не только растолкует, но и присмотрится, откуда в молодой женщине это безнравственное отношение к обязанностям жены и матери, кто у нее в советчиках.

Другое письмо:

«Я прожил с Розой пятнадцать лет, — пишет тов. Н., — любил и люблю жену всегда, и нет для меня ничего дороже, чем она и наши дети. Вторая моя любовь — музыка. Я художественный руководитель русского народного хора при Доме культуры. Не мыслю своей жизни без песни, без людей, своих воспитанников. Но жене моя преданность делу не нравится. Из-за ревности она устраивает скандалы. И не только мне. Некоторым просто пришлось бросить занятия в хоре, чтобы не выслушивать оскорбления. ...Ревность никогда не укрепит семьи. Это злое чувство способно лишь разрушить ее».

Ревность — старая химера! Почему мы пригреваем ее? Ведь самое лучшее, что есть лучшего в наших отношениях, — вера в порядочность, в честность человека, с чьей жизнью ты соединила свою. Не будет этой веры — не может быть и счастья.

А вере в человека, подсказывает Ольга Николаевна Старостина (Свердловск), всегда сопутствует уважение к нему.

«Не знаю, довольна ли своей судьбой жена рабочего-уралмашевца Татьяна О., но сам он, должно быть, не слишком счастлив. Она разговаривает с мужем так: «Я сказала, что ты сегодня никуда не пойдешь, значит, асе!», «Нечего весь вечер книжки читать, мог бы и чем другим заняться!»

Откуда у юной жены такой тон? Кому она подражает? Кабанихе из «Грозы» Островского? Неважный образец.

К сожалению, не одна Татьяна О. считает, что пустячные придирки вышпают ее в глазах других, что гонор украшает женщину. В действительности как раз наоборот. Он безобразит. Свидетельство тому — случай, о котором рассказываете вы, тов. З. из Беловежского. В школе, где учится ваш муж, устраивали выпускной вечер. Жен учащихся дирекция не пригласила. Это возмутило вас. Муж все же пошел на праздник. «Такой поступок унижил меня в глазах всех...» Нет, не этот поступок унижил вас. Вы уронили свое достоинство, когда ворвались в праздничный зал и учинили там скандал. Бестактность, грубость никак

не вяжутся с моральным кодексом советского человека.

«Слово — великая сила. Оно может и сблизить, оно может и оттолкнуть. Там, где озлобление берет верх, едва ли можно установить мир».

Очень хочу, чтобы эта мысль, высказанная С. Хакимовой (Казань), привлекла особенно ваше внимание, тов. Е. А. из Тбилиси.

Должно быть, он действительно провинился перед вами, муж ваш. Но ведь вы с ним под одной крышей, у вас четверо детей; чем же оправдано то, что вы еще больше углубляете пропасть между мужем и собой?

«Дома я зову мужа по фамилии, он меня никак не зовет». Что же, лучше никак, чем обращаться к матери своих детей на ваш манер, по фамилии. «К детям он не бывает добр, очень редко бывает ласков». И вообще «не было еще случая, чтобы хорошую, внимательную жену оценил муж».

Полноте, не слишком ли вы пристрастны не только к своему мужу — к половине человечества!

Озлобленность — коварный советчик. Жаль вас. Еще больше жаль детей ваших. Ужасно, что они живут в такой гнетущей атмосфере, что родители изо дня в день преподают им горький пример розни... Прислушайтесь к своему сердцу, задумайтесь над этим. Попробуйте и в своем поведении разобратся. Как сделала это Зинаида Владимировна из Хабаровска.

«Характером, откровенно скажу, я не удалась. У кого — дом, у меня был содом. Ни за что ни про что лила на мужа ушат грязь. Как терпел — не пойму. Однажды такое происшествие было. Пошел муж в мастерскую — у нас чайник прохудился. Вскоре и я туда зашла. Вижу, мастер с мужем хлопочут над чайником. Еще кто-то там был. Меня и дерни бес ляпнуть с бухты-барахты: «Небось, уже выпили?»

Думала, муж задаст мне потом перцу, он же ни слова, пока сама не завела о том разговор. И как он умно ответил! «В мастерской ты испортила настроение мастеру, мне и другим людям, теперь хочешь, чтобы дома я испортил настроение дочке и тебе?» Еще добавил: «Поучись сдержанности у нашей соседки Алексеевны...» Много было всего, пока дошло до меня, как надо на свете жить».

У Зинаиды достало мужества написать о себе правду. «Поэтому что и другие есть вроде меня, так чтоб был урок!»

* * *

Письма, письма... Некоторые из них читаешь как упрек. Пережитки старого, словно плесень, еще лезут из щелей, портят людям жизнь. И никто из нас не имеет права мириться с ними или проходить мимо них, считая неудобным вмешиваться в жизнь других. Нельзя тащить рухлядь в новый дом!

Развивать наступление на пережитки капитализма, очищать сознание советских людей от язв старого строя, воспитывать активных борцов за коммунизм — этот призыв партии касается всех.

Тамара КВИТКО

Снова вместе

В августе 1941 года Альбертина Андреевна Вальс эвакуировалась с детьми из Крыма в восточные районы страны. Под Запорожьем в поисках молока для ребят женщина вышла из вагона, а когда вернулась, поезда не было. Она разыскала состав на станции Розовка, но Лена, Володя и Андрей исчезли. Убитая горем мать металась в поисках детей.

Приехав в Акмолинскую область, Вальс обратилась в милицию. Начались упорные поиски, но они не принесли результатов. Дети как в воду канули.

Прошло семнадцать лет. В 1958 году в паспортный отдел милиции Черниговской области обратился Владимир Айрапетов с просьбой разыскать мать — Альбертину Вальс. Когда, где, при каких обстоятельствах он потерял ее, Владимир не знал. Он лишь помнил, что воспитывался в детском доме в Кисловодске и там его усыновили супруги

Айрапетовы, которые дали ему свою фамилию.

В паспортном отделе горячо откликнулись на просьбу Володи. Начались кропотливые поиски. Полетели запросы во все концы Советского Союза. Сложность розыска была в том, что за время разлуки с детьми мать изменила фамилию. Но вот из Общества Красного Креста и Красного Полумесяца Союза ССР сообщили, что в 1946 году Альбертина Вальс обращалась к ним по поводу розыска своих детей. Опять запросы в Казахстан, Сибирь, на Урал, на Украину. И вот пришла долгожданная радостная весть: мать Володи нашлась! Так хорошие люди помогли встретиться матери и сыну после долгой разлуки.

Спустя некоторое время Альбертина Андреевна получила из Уссурийска загадочную телеграмму: «Выезжаю, встречайте. Мунш Елена Ивановна». «Кто эта

Мунш?» — думала женщина.

На станции Караганда многолюдно. Альбертина Андреевна вглядывается в лица. Но что это? Лена? Ее дочь? Сколько лет пролетело, а мать сразу узнала черты родного лица...

Так пришла к ней новая радость. Лена, оказывается, воспитывалась в детском доме Джамбулской области, а потом ее удочерили супруги Мунш. Найти ее было очень трудно: фамилия и отчество стали другими.

Какой мерой измеришь признательность матери, которой вернули дочь и сына! Она от всего сердца благодарила тех, кто помог им найти друг друга. Но еще не вся семья собралась вместе. Альбертина Андреевна ищет Андрея. Если ему удастся прочесть эти строки, пусть скорее даст весточку в Караганду, где в доме № 115 на Первом линейном проезде живет его мать...

М. ВУСЬКОВ,
подполковник милиции в отставке.
г. Чернигов.

ИЗБУШКИ НА КУРЬХ НОЖКАХ

Город Прохладный на Северном Кавказе меняет свой облик. Расширяет свои границы молодой кабельный завод, реконструируется ремонтный завод, заново отстраиваются заводы виноградных вин, консервный. Идет большое жилищное строительство.

Но заботы о самых маленьких наших гражданах — дошкольниках здесь нет. В городе всего восемь детских садов, из них пять — горно и три ведомственных. Сады отдела народного образования размещены в непригодных, ветхих зданиях. Все они переполнены.

Министр просвещения Кабардино-Балкарской АССР тов. Чеченов еще в декабре 1959 года на жалобы родителей отвечал, что садики № 3 и № 5 в скором времени будут закрыты, а на их месте построят новые. Однако по сей день работают старые. А они ведь держатся лишь на подпорках.

По нормам в городе должно быть 1320 мест в детских учреждениях, размещено же сейчас всего 565 детей, да и то с нарушениями требований и правил гигиены.

В прошлом году начали строить комбинат на 140 мест, но строительство вскоре законсервировали из-за отсутствия средств. Сейчас работы возобновлены, однако нет никакой уверенности, что в этом году строительство будет закончено. Да и переведут ли туда ребятшек из ветхих зданий?

Грошева, Цимбалова, Попович,
Кулешев, Левченко и др.

г. Прохладный,
Кабардино-Балкарская АССР.

От редакции:

Пока верстался этот номер журнала, в редакцию снова пришло письмо из Прохладного. Снова за несколькими подписями. Родители с тревогой пишут об угрожающем положении в детском саду кирпично-черепичного завода: «...в группе и спальне стоят по три столба для поддержания потолка, наружные стены тонкие, тоже подпертые...»

Редакция вместе с родителями ждет, что скажут по этому поводу председатель Северо-Кавказского совнархоза тов. Иванов и общественность города.

Случай на переезде

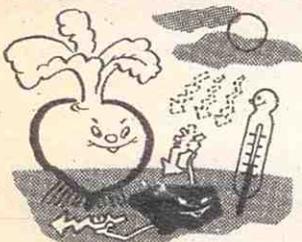
Мария Гашпаровна посмотрела на часы. Вот-вот должен пройти скорый поезд Москва—Чоп. Она закрыла шлагбаум и достала желтый флажок. Поезд приближался. Уже слышен был стук колес. Мария Гашпаровна оглянулась — на рельсах безмятежно играл трехлетний ребенок. Женщина со всех ног бросилась к нему и, рискуя жизнью, выхватила его прямо из-под электропровода.

За проявленную находчивость при спасении ребенка дежурной по переезду на Мукачевской дистанции пути М. Г. Ульянов приказом начальника Ужгородского отделения Львовской железной дороги объявлена благодарность.

г. Ужгород,
Закарпатской области.

Н. ЗУБАРОВСКИЙ,
инженер

Наука и техника — людям

Удивительный минерал

Поистине удивительными свойствами обладает минерал с несколько необычным названием — «вермикулит». Если его нагревать до температуры около тысячи градусов, он увеличивается в объеме в двадцать раз и становится в десять раз легче воды. Эти его качества в сочетании с очень высокой

прочностью позволяют широко и эффективно использовать вермикулит в строительстве и металлургии.

Но этим достоинства вермикулита не исчерпываются. Есть у него еще одно ценное свойство — способность «регулировать» температуру почвы. При похолодании внесенный в почву вермикулит удерживает тепло, в жару, наоборот, сохраняет холод. Кроме того, почва, в которую внесен вермикулит, приобретает ряд новых полезных свойств. Например, легкая песчаная почва становится влагоемкой, а тяжелая и холодная глинистая — прогреваемой и пористой.

Ученые Всесоюзного института растениеводства впервые стали использовать вермикулит на полях с кар-

тофелем и кормовыми культурами на Кольском полуострове. А в совхозе «Тепличный» (под Ленинградом) вермикулит применяется для выращивания рассады томатов. Растения на вермикулитовой почве чувствуют себя отлично и хорошо завязывают плоды.

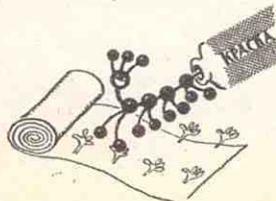
Вечная краска

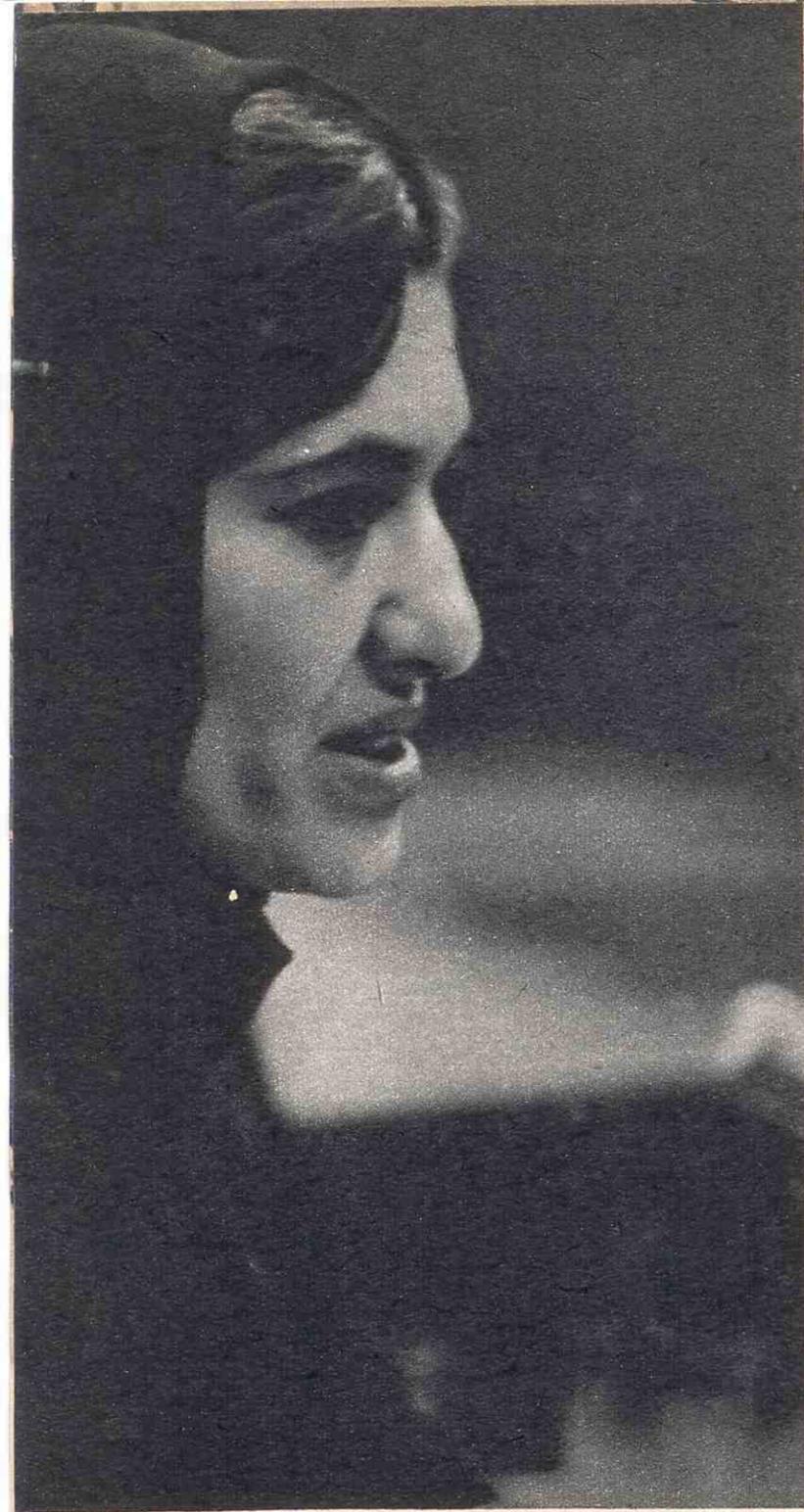
Вот если бы платье не линяло!.. Это мечта любой женщины. Ученые создают все более совершенные краски для тканей, но все равно платья выгорают, линяют.

Химики Рубежанского комбината (Луганская область) создали совершенно новый тип красок — так называемые активные краски. Особенность их состоит в

том, что в отличие от обычных красок они не просто ложатся на поверхность ткани, а вступают в химическое взаимодействие с волоконной тканью и удерживаются на ней уже за счет более прочных, молекулярных сил. Окрашенная этой краской ткань не линяет и не выгорает.

На Рубежанском комбинате уже изготовлена партия таких красок. В нынешнем году комбинат будет выпускать активные красители шести марок.

Тамина Адиль.

Фото Н. Маторина.

Говорит Тамина Адиль

«...Еще раз, прежде чем мы поженимся, я хочу сказать тебе, что ни материальных средств, ни имущества, ни высокого диплома, ни сколько-нибудь обеспеченной работы я не имею. Я честно говорю, что совершенно беден, что происхожу из простой рабочей семьи, известной, однако, своей честностью и добрым именем. У меня нет ничего, кроме партийного имени коммуниста, который борется во имя лучшего будущего для всего человечества. Этому святому делу я посвятил свою жизнь, и, предлагая тебе стать моей женой, я должен был сказать и сказать, что моя жизнь мне не принадлежит. Мне постоянно угрожают опасности, аресты, пытки, как и всем честным бойцам в моей стране. Но я могу обещать честно и твердо, что если буду жив, сделаю все, что могу, чтобы ты жила жизнью честной, где не будет места ни злу, ни грязи, в которых утопают наши классовые враги!.. Мне постоянно угрожает арест, и если я окажусь в тюрьме, то не смогу помочь тебе. А если я погибну, я оставлю тебе лишь воспоминания о себе».

Эти слова написал Тамине, своей будущей жене, Салам Адиль первый секретарь ЦК Иракской компартии, которого фашистские палачи казнили в Багдаде в марте этого года.

И каждый, кто читал эти строки, проникнутые любовью и мужеством, думал: какой же должна быть женщина, к которой обращены были эти слова,— его жена, мать его троих детей, его товарищ по борьбе! И вот в зале Всемирного конгресса женщин делегатки увидели женщину в черном. Седая прядь под черным платком, переполненные горем глаза — кто поверит, что ей всего 31 год, что 5 месяцев назад она была молодой и умела улыбаться!

В перерывах между заседаниями ее окружали женщины-делегатки. Протянув вперед свои исхудавшие руки, Тамина рассказывала о горе своей родины.

— Моя страна — маленькая страна, в ней всего 7 миллионов человек. А за пять последних месяцев фашисты убили 10 тысяч лучших сыновей и дочерей Ирака,— и это огромная потеря. Моего мужа казнили. Перед казнью палачи вырвали ему глаза — глаза, в которые смотрела моя молодость, которые мечтали увидеть счастье родины. Мой маленький двухлетний сын пропал без вести в день ареста отца.

Чье сердце останется спокойным, когда слышишь такое! Чьи глаза сухими! Сотни сердец тянулись к Тамине Адиль.

— Берегите свое мужество! — протянула руки к Тамине Долорес Ибаррури.

Так и запомнили мы их вместе, двух женщин в черном. Страдающая и борющаяся Испания и страдающий и борющийся Ирак словно встали в этот миг рядом.

«Если я погибну, я оставлю тебе лишь воспоминания о себе», — писал Салам Адиль жене.

Нет, он оставил ей гораздо большее — мужество и силу борца. Тамина Адиль не только страдает,— она борется за свободу своего народа.

Тысячи женщин, слушавших ее на конгрессе, увезли за моря и океаны в свои далекие страны ее слова: «Пусть ваши слезы превратятся в силы, которые укрепят солидарность женщин в борьбе с фашизмом. Женщины дают жизнь детям, и они должны всеми силами бороться с фашизмом, сеюшим смерть!»

Статью, которую мы печатаем здесь, Тамина Адиль написала по просьбе нашего журнала. В ней она обращается к работницам СССР.

* * *

Я не стану вам говорить о жизни работниц в нашей стране, где нет отпусков по болезни, нет общественного страхования, которое могло бы спасти женщин от голода в долгие дни безработицы и обеспечить спокойную жизнь в старости. Я не стану вам говорить о том, каково положение наших женщин в обществе, где нет полного равноправия женщины с мужчиной,— вы все это, конечно, знаете.

Но я расскажу вам о судьбе женщины-труженицы после фашистского переворота в Ираке, когда тысячи женщин и мужчин были уволены с работы без всяких причин, а их имена были занесены в черные списки. Таким образом, тысячи семей остались без источника дохода и пропитания.

Рабочие кварталы первыми испытали на себе всю ненависть фашистов. Танки наезжали на хижинки рабо-

чих, и под гусеницами танков вместе с развалинами лежали раздавленные дети и старики.

После переворота по стране прокатилась широкая волна репрессий. Было арестовано более 100 тысяч человек.

Заключенные подвергались страшным пыткам в тюрьмах и концлагерях. Многие из них погибли, замученные в мрачных застенках.

«Равноправие» женщин осуществилось под пытками и на виселицах. Вы, конечно, уже слышали о том, что в Ираке три женщины приговорены к смертной казни: Сафира Джамиль Хафез, генеральный секретарь Лиги иракских женщин, Закия Шакер, мать двоих детей, двенадцать лет отдавшая борьбе за счастье народа, и Лейла ар-Руми, двадцатилетняя студентка медицинского института. Все они были подвергнуты страшным мучениям. Трижды их приводили к месту казни и каждый раз перед приведением приговора в исполнение откладывали казнь на следующий день. У Закии Шакер вырвали зубы.

Фашистские убийцы замыслили уничтожить курдов, составляющих четвертую часть населения страны. Курдский народ требует, чтобы ему было предоставлено его законное право на автономию в рамках Иракской республики. Сегодняшние правители Ирака бомбами разрушают города и села Курдистана.

Солидарность, которую нам выразили участницы Всемирного конгресса, советские женщины, делает нас еще более сильными. Мы видим, что не одиноки в нашей борьбе, что миллионы честных людей мира с нами. Они говорят неофашизму: «Не пройдешь! Нет, снова не воскреснешь!»

От имени иракских женщин разрешите передать самую горячую благодарность славным советским подругам, которые дали нам великодушные уроки героизма тогда, когда защищали родину во время войны, когда участвуют в строительстве родины. Советские женщины являются для нас чудесным примером нового человека. Спасибо вам за это!

Спасибо всем людям, чья солидарность поддерживает нас в борьбе. Верим: эта борьба приведет нас к победе!

Тамина АДИБЛЬ

МУЖЕСТВО И СЛЕЗЫ ПАРАГВАЯ

Деолинда де БАРРЕТТ,

член делегации парагвайских женщин на Всемирном конгрессе женщин

Я расскажу вам сначала о детях Парагвая. Трудна и горька их судьба. Вы видели когда-нибудь голодные детские глаза? В них невозможно смотреть без слез.

Наши дети голодают. Собранные в стайки, обивают они чужие пороги, стучатся во все двери, попрошайничают на рынках. Чтобы не умереть с голоду, они часами выстаивают у ворот военных казарм в надежде, что им выбросят остатки пищи. Они роются на свалках, среди нечистот, в отбросах. И все это в поисках съестного. Порой мне кажется, что худенькая детская ручонка, протянутая за подаванием, стала символом нашей жизни.

Ребята постарше, бродячие разносчики, запуганы полицией, которая их преследует. Не подумайте, что детский труд здесь запрещен. Ничего подобного! Режим диктатора Стреснера отнимает у детей последние гроши: у нас и с малолетних берут налоги.

У матерей кровью обливается сердце. И вот, чтобы облегчить хоть немного жизнь наших детей, в нескольких кварталах и предместьях Асунсьона, столицы Парагвая, женщины организовали клубы матерей. Эти клубы стали добиваться, чтобы дети получали необходимую еду, чтобы им выдавали молоко в школах. Этого оказалось достаточно, чтобы женщины, членов клуба, начала преследовать полиция, обвиняя их во вмешательстве... в политические дела государства.

Говорят, что о каждой стране можно судить по ее детям — по тому, как они живут, что едят, во что одеваются, в каких условиях учатся. Эту верную мысль можно продолжить: положение женщины, отношение к ней тоже показывает подлинное, без прикрас лицо страны, сущность ее строя.

Если женщина ждет ребенка, предприниматель заботится только о том, чтобы не выплачивать ей семейного пособия, хотя по закону, формально, это пособие ей полагается. Но тут поступают просто: женщину увольняют с работы.

Предприниматели находят множество лазеек, чтобы нажиться на женском беспорядке. Используя, например, положение о так называемом «испытательном сроке», хозяева в течение 90 дней платят женщине половину заработной платы, а затем увольняют ее.

Не думайте, что наши женщины мирятся со своим положением. Чтобы помешать закрытию текстильной фабрики Грау, работницы заняли помещение фабрики и не уходили оттуда. Полиция пыталась силой выгнать женщин, тогда работницы стали сражаться прямо у своих станков. Они мужественно боролись голыми руками и палками. Сражение длилось два часа, и полиция отступила. Работницы кричали вслед полицейским: «Суньтесь-ка еще раз, и мы вам еще покажем!» Примеру текстильщиц последовали потом работницы многих фабрик.

Заработная плата работниц равна в среднем 41 доллару в месяц, а ведь одна только квартирная плата за самое скромное жилье забирает 21 доллар.

Еще труднее крестьянским женщинам. Чтобы самой продать свои продукты, обойтись без помощи посредников, которые нещадно обирают крестьян, приходится уезжать на дальние рынки, а стоимость проезда и налоги очень велики.

Несчастья поджидают женщину буквально на каждом шагу. Сборщицы кофе на плантации крупной североамериканской фирмы «Джонсон и Джонсон», например, проработав 12 часов — это их обычный трудовой день, — ночью доби-

раются пешком домой. Живут они далеко от работы. Транспорта нет. И это обстоятельство используют садисты-приказчики — они насилиют девушек.

О «правах», данных нам диктатором Стреснером, могут рассказать тысячи женщин Парагвая. Среди них Презентасьон Лескано, которую девять дней варварски пытали; Офелия Перальта, только что выпущенная из тюрьмы, где она сидела вместе с двумя детьми, из которых младшему всего несколько месяцев; Хильберта Вердун де Талавера — партизанка, три года назад брошенная в тюрьму с двумя пулевыми ранениями, — в 1959 году у нее на глазах убили мужа-партизана, а сына отправили в концентрационный лагерь.

Многих уже нет с нами. Казнены героиня нашего народа Хулия Саламинде, Хуана Перальта, Антония Перуччино... Гибель их говорит не о силе, а о слабости насквозь прогнившего режима.

О слабости диктатуры Стреснера говорит и постоянное вмешательство США в экономику нашей страны: чужие деньги помогают правительству эксплуатировать народ. Они замораживают заработную плату (стоимость жизни за последние 15 лет возросла в 100 раз!), приводят к краху многие торговые и промышленные предприятия, увеличивают число безземельных крестьян. Вот что такое иностранные деньги!

Голод в стране достиг угрожающих размеров. По мнению доктора Франсиско Монтальто, специалиста по этому вопросу, парагвайцев ждет физическое вырождение. По наблюдениям Монтальто, жители нашей страны становятся все ниже и ниже ростом. Из каждой тысячи родившихся детей 156 умирают на первом году жизни. Средняя продолжительность жизни в

Парагвае — 28 лет. Третья часть населения живет вне родины, в изгнании, куда люди бежали от преследований и нужды.

В то время, когда народ бьется в тисках бесправия, произвола и нищеты, 1 500 богачей-латифундистов живут в роскоши. Они захватили три четверти территории Парагвая. 25 из них владеют в среднем пятьюстами тысячами гектаров земли каждый!

Но ни иностранное вмешательство, снабжающее долларами антинародный режим Стреснера, ни жестокости правительства не могут запретить парагвайскому народу бороться за свое счастье. Вместе со всем народом женщины участвуют в этой борьбе. В стране то и дело вспыхивают забастовки. Крестьяне силой занимают земли помещиков. Ширятся ряды бойцов Единого фронта национального освобождения Парагвая.

Простые люди нашей страны все сильнее верят в необходимость мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем, все отчетливее понимают, какую непоправимую катастрофу несет миру разрушительная термоядерная война.

Печать же диктатора Стреснера кричит о том, что война между социалистической и капиталистической системами якобы неизбежна и что мирное сосуществование — миф. Однако жизнь доказывает обратное. Освобождение народов, уничтожение власти империалистов вовсе не обязательно должны быть результатом мировой войны.

Победа кубинской революции дает новые силы парагвайскому народу.

Эта победа, указывающая путь всем народам Латинской Америки, доказывает и нам, женщинам Парагвая, что империализм не всемогущ, что есть на свете силы, способные помешать агрессии. Судьбы сегодняшнего мира решают теперь не нефтяные короли, завладевшие недрами Парагвайского Чако, не те, кто создает на нашей земле базы для запуска ракет, направленных на великий Советский Союз и другие социалистические страны. Судьбы мира в руках народов, борющихся против войны.

Мы верим: силы мира побеждают войну. И эта вера вдохновляет нас на борьбу за национальное освобождение, за счастье.

ТРУС

Евгений КУТУЗОВ

Рассказ

Я открыл глаза. Сначала ничего не было видно. Как будто стоял густой туман. Потом туман понемногу начал рассасываться. Я увидел потолок. Белый, абсолютно белый потолок. Я повернул голову. Рядом кто-то сидел. Мне показалось, что это Галка...

— Лежите, лежите,— сказал мягкий женский голос.— Вам не больно?

Нет, это была не Галка. У нее голос более низкий.

Я попробовал вспомнить, где нахожусь. И не мог, наверное, потому, что не знал. Зато вспомнил, как все произошло.

...Я вышел из автобуса на две остановки раньше. Мне хотелось пройти пешком. Я люблю ходить пешком по ночному городу. И Галка любит. Мы с ней всегда будем ходить пешком и никогда не будем спешить. Мы будем медленно идти по улицам и держаться за руки. Это здорово — тихо и идти по улицам ночного города и держаться за руки. Редко-редко навстречу попадет прохожий, а ты идешь, чувствуешь в своей руке теплую Галкину руку, иногда смотришь на нее, она улыбается. И ты улыбаешься. Нельзя не улыбаться

Рисунок В. Рассохина.

ся, когда вокруг так хорошо, когда ты идешь не по тротуару, а прямо по улице, и машины объезжают тебя, и шоферы, выглядывая из кабин, машут руками.

Нет ничего красивее ночного Ленинграда. С набережной Фонтанки, где начинается улица Дзержинского, виден шпиль Адмиралтейства. А на Московском проспекте горят ртутные лампы. Милиционеры, издали услышав шаги, спешат навстречу. Но, увидев нас, смущаются и молча поворачивают назад.

Тогда я тоже шел по ночному Ленинграду. Но только ни на кого не смотрел. Мне было стыдно. Мне было стыдно себя, редких прохожих и даже шоферов, которые не выглядывали из кабин, как будто знали, что Галка сказала мне свое страшное «трус».

Лыжи давили плечо.

Я свернул в переулок. Мне не хотелось идти по проспекту, потому что на проспекте было светло: горели ртутные лампы.

Вдруг я услышал крик. Остановился. Кругом была тишина. С проспекта долетел грохот последнего трамвая. Я постоял немного и пошел дальше. Но опять, едва я сделал несколько шагов, послышался крик. Теперь я уже точно слышал, что кричали откуда-то справа. Я огляделся. Впереди, с правой стороны, темнел овал арки. Я быстро пошел туда, вбежал под арку.

Три парня раздевали девушку. Один зажимал ей рот, а двое других снимали пальто. Я крикнул:

— Стой!

Сам не знаю, почему так крикнул.

Тот, который зажимал девушке рот, побежал. Двое кинулись на меня. Мне мешали лыжи. Я бросил их и стал спиной к стенке.

Девушка выскочила из-под арки и громко закричала:

— Помогите!

Я увидел, как в руке высокого парня что-то блеснуло. Он был совсем рядом. Я пнул его в живот тяжелым лыжным ботинком. Он медленно осел. В тот же миг у меня в левом боку что-то колынуло. Я повернулся. Второй парень замахивался опять. Я понял, что он ударил меня ножом. Но ударить еще раз не дал. Сам бросился на него.

— Помогите! — кричала девушка.

Где-то близко раздалась трель свистка.

Больше я ничего не помню.

...— Вы можете говорить? — спросил рядом мужской голос.

По-моему, если человек может думать, то может и говорить. Но мне не хотелось говорить. Мне хотелось лежать вот так, с закрытыми глазами, и думать о Галке.

Она хорошая, Галка. И мы с ней замечательно познакомились. Я читал газету. На улице. В витрине. Она подошла и тоже стала читать. Я не видел ее, но чувствовал: она стоит рядом. И мне почему-то не хотелось уходить, хотя я давно прочитал всю газету. Что-то упало к моим ногам. Я быстро нагнулся. Это была варежка. Ее варежка. Я поднял варежку и подал Галке. Она смутилась и опустила глаза. Мне показалось, что я где-то уже видел ее лицо... И я вспомнил. Я показал пальцем на портрет в газете и сказал:

— Это вы?

Она покраснела.

На портрете Галка была в лыжном костюме и вязаной шапочке и улыбалась она так, что мне тоже стало весело. Я прочитал: «Гаяля Никитина, занявшая первое место на дистанции 5 км».

— Поздравляю, — сказал я, хотя это и было глупо.

— Спасибо... — Она была совсем красная.

Потом мы почему-то пошли вместе. И Галка призналась, что собиралась сорвать свой портрет с витрины.

— Не успела купить газету в киоске...

— Сейчас оборвем! — сказал я. — Найдем место, где никого нет, и оборвем!

И мы нашли такое место. И оторвали портрет. И хотя за нами никто не гнался, мы взялись за руки и побежали по улице... Когда нам надоело бежать, мы пошли шагом. Но продолжали держаться за руки.

Была ночь. Шел редкий снег. Снежинки медленно падали на тротуар, какое-то мгновение сверкали, будто крошечные золотинки, а потом гасли, и невозможно было разобрать, какая снежинка только что упала.

Мне было хорошо. Я думаю, что Галке тоже было хорошо, потому что она не отнимала руки и, когда я смотрел на нее, смеялась. Когда людям плохо, они не смеются.

— Вот и пришли, — сказала наконец Галка. Она посмотрела на меня. Мы стояли около старого трехэтажного дома.

— Вы здесь живете? — спросил я.

— Да, — сказала она. — Это наша «Камчатка»!

Мы постояли еще немного. Мне не хотелось уходить. Галка тихо сказала:

— Пора. — И осторожно высвободила руку.

— Мы... увидимся? — спросил я.

Она быстро взглянула на меня. И отвернулась. Она молчала и теребила варежку. Ту самую, которая упала у газетной витрины к моим ногам. Эта была красивая варежка, связанная из разноцветной шерсти.

— Не знаю...

— Завтра... Давайте встретимся завтра! — неожиданно смело сказал я.

— Где? — совсем тихо спросила она.

— Там же. У газеты.

Она убежала. Я слышал ее быстрые шаги по лестнице. Потом шагов не стало слышно. Вдруг мне показалось, что в одном окне на втором этаже качнулась занавеска. И сразу же загорелся свет. На тротуар упало желтое пятно.

...Мне хочется думать об этом. И совсем не хочется говорить.

— Он только что пришел в сознание, — сказал мягкий женский голос.

Мне все равно, о чем они говорят. В конце концов, может, это и не обо мне. Мало ли о чем могут говорить люди...

Там, где сходятся стены с потолком, вылеплены узоры. Я вижу эти аляповатые узоры, и мне хочется узнать, как их делают. Я знаю, что это не имеет никакого значения, но все равно думаю об этом.

Кто-то вошел в дверь.

— Спит? — спросил мужской голос.

— Да, — ответил женский.

— Как пульс?

— Лучше...

Неужели обо мне?.. Значит, было плохо? Теперь уже мне захотелось что-нибудь спросить. Я пошевелил языком, но ничего не получилось. Я испугался. Попробовал приподняться. Мне нужно было увериться в том, что плохо было, а сейчас все хорошо.

Кто-то подбежал ко мне. Чьи-то руки схватили меня за запястья. Я услышал голос:

— Шприц!

Но на этот раз я не мог разобрать, какой это был голос — мужской или женский.

...Мы никогда не будем спешить. По-моему, глупо всю жизнь спешить. Надо хоть иногда никуда не торопиться.

Мы будем целыми ночами бродить по городу, держась за руки. Я буду чувствовать теплую Галкину руку и как бьется ее пульс. Это здорово — идти и идти все время прямо, никуда не сворачивать, держась за руки, изредка смотреть друг на друга, и улыбаться, и в этот миг еще крепче сжимать пальцы... Редкие прохожие тоже будут улыбаться нам. Они должны улыбаться, потому что нет ничего лучше, чем вот так идти, глядя в ночное небо, в которое вкраплены светлячки звезд, думать о том, что на этих звездах, быть может, тоже живут люди, что они тоже ходят по ночным улицам, держась за руки, и смотрят в небо, и думают о том, что на других звездах, быть может, есть люди... И нет ничего лучше таких ночей, когда знаешь, что рядом с тобой человек, которого ты любишь и который любит тебя.

Мне больше всего хочется, чтобы сейчас пришла Галка. Чтобы я вдруг услышал ее низкий голос, увидел ее смеющиеся светло-голубые глаза.

Однажды Галка спросила:

— Ты любишь ходить на лыжах?

Я не знал, что сказать. Я никогда не ходил на лыжах.

— Ты знаешь, как это здорово! — сказала Галка. — Летишь с горы, лицо обжигает, а в ушах свистит, нет, не свистит... лает ветер!

— Ветер не может лаять, — сказал я.

— Еще как может! — сказала она. — Ты просто ничего не понимаешь. Ты попробуй!..

Когда Галка что-нибудь доказывает, она становится еще красивее. На щеках появляются яркие пятна, глаза вспыхивают каким-то необычным светом, и из-под вязаной шапочки выбивается прядка волос. Мне нравится эта прядка. Я люблю брать ее двумя пальцами и прятать под шапочку. Прятать так, чтобы она сразу же выбилась назад...

— Поехали в воскресенье за город, — предложила Галка.

Мне не хотелось ехать за город. Мне больше нравится в городе. Ночью. Когда перестают ходить трамваи и когда на Московском проспекте горят ртутные лампы.

И все же я поехал. Я купил лыжи с ботинками, костюм и вязаную шапочку. Галка, увидев меня, засмеялась.

— Настоящий спортсмен! — сказала она.

Мы ехали автобусом. А потом километра полтора шли пешком.

— Красота! — сказала Галка, когда мы взобрались на гору.

Вокруг все было белое. Слепило глаза. Снег искрился и громко скрипел под ногами. Я взял Галку за плечи. Она испуганно посмотрела на меня.

Я обнял ее. Она закрыла глаза. Я наклонился и поцеловал ее. У нее были очень горячие губы... Над нами каркнула ворона, и с дерева посыпался снег. Мелкая снежная пыль запылила Галкино лицо.

А потом было то, чего лучше бы никогда не было. Мне до сих пор стыдно. Я не могу думать об этом: становится страшно. Вдруг Галка в самом деле придет сюда, сядет возле этой больничной кровати и презрительно скажет: «Ты заболел, трус?»

Лучше бы она не приходила. Я поправлюсь. Я очень скоро поправлюсь и буду каждое воскресенье ездить один на ту гору. Я научусь ходить на лыжах. И когда-нибудь приду к Галке и скажу:

— Поехали за город!

Я буду лететь с горы, и лицо будет обжигать морозом, а в ушах будет лаять ветер. Интересно только, как это ветер может лаять?..

...Галка сама закрепила мне лыжи.

— Немного пригнись и пружинь на ногах, — учила она.

Мы стояли на самом краю спуска. Галка сказала, что это вовсе не гора, а всего лишь пригорочек. Но мне казалось, что передо мной огромная пропасть.

— Ну! — сказала Галка.

Я зажмурился. Я готов был оттолкнуться и скатиться вниз, но почему-то стало страшно. Где-то внизу, далеко-далеко, шел автобус. Он выглядел отсюда, как спичечный коробок.

— Подожди, — сказал я.

— Ты трусишь, Борька?

— Нет. Я только закурю.

Ворона опять сидела на дереве. Она смотрела на нас. Я скатал снежок и швырнул в нее. Ворона недоуменно промолчала и пересела на другую ветку, повыше.

— Борька!

— Сейчас...

Все повторилось сначала. Но теперь, когда я совсем собрался оттолкнуться, по дороге проехала легковая машина. Она была меньше спичечного коробка.

— Не могу, Галка... Лучше в другой раз, ладно?

Галка долго уговаривала меня. Но я так и не решился съехать с горы. Тогда она сказала, что я трус, что я самый настоящий трус, натянула на глаза вязаную шапочку и улетела под гору.

Я видел, как она выехала на дорогу, как сняла лыжи, как подняла руку, когда мимо проходил автобус.

...Нет, лучше пусть она не приходит сюда. Я научусь, я обязательно научусь ходить на лыжах. И тогда приду к ней и позову ее за город. А когда съеду с горы, там, внизу, где растут маленькие елочки, обязательно скажу Галке, что люблю ее. Я очень люблю ее. И мне стыдно, что я трусил...

— Вы можете говорить? — снова раздался уже знакомый голос.

Да, я мог говорить. И я рассказал, как все было.

Я вышел из автобуса на две остановки раньше. Мне хотелось пройтись пешком, потому что я люблю ходить по ночному Ленинграду. Лыжи больно давили плечо. Палки то и дело разъезжались в стороны. Мне было стыдно. Стыдно себя, редких прохожих...

— Куда вы шли?

Я шел. И только теперь я вдруг понял, что я шел вовсе не домой. Я шел к Галке. На ее «Камчатку». Но не мог же я сказать об этом человеку, который сидел у кровати и внимательно смотрел на меня.

— Вы, кажется, живете в другом районе?..

Да, я живу в другом районе. Ну и что? Разве я не могу ходить там, где мне хочется? Ведь я же сказал, что люблю бродить по городу... И я сам не могу понять, зачем потащился к Галке. Глупо было идти к ней. Она же ясно сказала, что я трус.

Но я люблю ее. Я очень люблю ее. И я обязательно научусь ходить на лыжах. Это совсем просто. Надо только немного пригнуться и пружинить.

УЧАСТОК СЧИТАЕТСЯ

По следам одного письма

Работала Соня в большом городе. Но жила тихо, как в заводи. Один день отдежурит в госпитале, два — сидит дома. А газеты рассказывали о жизни совсем другой. Они писали о больших стройках, о волевых девчатах.

Решение пришло не сразу, но оно было твердым: еду строить.

Леса... леса... Остановится поезд, прозвучит, как слово из протяжной песни, старое карельское название Суоярви Райконкоски, а выглянешь в окно — стоят совсем новенькие дома. Едет полсоток в глубь лесов — и нет счета новым поселкам, новым лесопунктам. словно ожила, подобрела от обновок холодная Карелия.

И Кибаш, куда приехала Соня, — тоже поселок новый. Издали он очень красив. Кажется, что выбежали из ершистого леса веселые домики и остановились вдруг у самого озера, испугавшись синей студеной воды.

Соня шла по желтой дороге, то и дело пропуская ревучие лесовозы. Они легко тащили на спинах длинные, толстенные стволы. Вот это машины! На самом краю поселка стояли строящиеся двухэтажные здания. Значит, вот какая работа будет у Сонии! Строить здесь, в лесном краю, такие уютные дома! Хорошо!

...Прошло полгода. И вот сейчас я держу в руках письмо. В числе пятнадцати женщин-разнорабочих подписалась под ним и Соня Савина.

«Плохо у нас. Просим вас, дорогая редакция, приехать поскорее и во всем разобраться. Хотим жить, как все советские люди».

Что же происходит здесь, в Кибаше, на Пюрикском строительном участке?

Иду по стройке. А на глаза то и дело попадаются как бы иллюстрации к письму.

«...Работать трудно. Таскаем все на себе. Хоть бы носилки и лопаты давали приличные».

Понурая лошадь нехотя вошла в озеро. Телега с пустой бочкой грохнула и остановилась. Мужчина в резиновых сапогах снял с крюка ведро, соскочил в воду. Водовоз... Можно еще мириться с такой архаической профессией в пустыне, в степи, где нужно доставлять воду за десятки километров. А здесь, в Карелии... Поставь один насос в ближайшее озеро — и стройка водой обеспечена.

Две женщины вычерпывают из бочки воду, льют в ящики. Размешивают лопатами раствор. Ведрами носят его в дом. Там делают печки. Пока печник работает

на первом этаже. А когда поднимается выше? Перекинут с окна второго этажа на землю шаткий трап, и таскайте по нему носилки с кирпичом.

Конечно, никто не требует, чтобы на строительстве двухэтажных домов в Кибаше применялись башенные краны, но неужели тов. Берлин, начальник Суоярвского стройуправления, тов. Лебедев, начальник комбината «Запкарельлес», не знают о существовании таких средств механизации, как блок, транспортёр и бетономешалка?

В одной из комнат нового дома рабочий выплиывает в потолок дыру. Что он делает?! Ведь потолок уже аккуратно обшит досками и даже выбелен. Ошибка, исключительный случай—поспешили сделать потолок и забыли оставить отверстие для печной трубы? Нет, зайдешь в другой дом и увидишь то же самое: так «задумано». Вот и летят в трубу рабочее время, деньги, материалы.

«Наряд-задание на руки нам никогда не дают. Закрывают наряды по шаблону. Рабочие дни не учитываются, а ходишь в конце месяца и ищешь их».

День полочки. Закрывается дверь бухгалтерии, и тут же открывается другая—производственного отдела. От кассира многие идут к прорабу.

Вошла Шура Каченова. Сощурила глаза, спросила насмешливо:

— Это за какие же такие заслуги мне семь дней подарили? Работала двадцать два, а записали двадцать девять.

Тамара Якимович присела на кончик табуретки. Не веря себе, снова пересчитала зарплату.

— Работала я в бригаде, как все. Почему же получила меньше?

Одной приписали, другой недосчитали. И такая путаница с нарядами на участке постоянно.

— Как же так?— Подошли ко мне строенные Феня Петрова и Клавдия Табакова.— Подписывали наряд на 140 рублей, а получили 113.

Стали разбираться. Оказывается, мастер сделал в наряде ошибку: неправильно определил объем работ. Начальник заметил, заставил замерить все снова. Цифры в наряде выправили, а женщинам ни слова. Не извинились. Не объяснили. Только теперь, при корреспонденте, работу замерили вместе с работницами.

С виду наряды в порядке. Все оплачено правильно, по расценкам. А начинаешь выяснять у человека, где он работал в этот день, с кем, и оказывается, что бумажка с аккуратно вписанным заданием не отражает сделанного.

Я спросила у прораба:

— Почему вы не выдаете рабочему на руки наряд-задание?

— Да везде так. Я лично не слышал, чтобы на каком-то участке это делали. Вот и мы не соблюдаем эту формальность.

Формальность ли?

Наряд-задание— проявление принципа материальной заинтересованности. Заранее человек должен знать, какую работу будет выполнять, сколько за нее получит. Должен быть знаком со всеми расценками.

Есть еще в этой «формальности» и другая сторона—моральная. Партия воспитывает в каждом человеке чувство хозяина. На многих наших заводах рабочие участвуют в нормировании труда. Они начинают глубоко разбираться в экономике, вмешиваются во все вопросы производства. Думаю, предлагают. А появится ли у человека чувство хозяина, если он не знает даже, как начисляется его собственная зарплата?

Женщины, которые написали письмо,— все разнорабочие. В Кибаше никто из них не получил строительной специальности. Может быть, не нужны строимые специалисты? Нет, нужны.

Весной стройуправление прислало на участок двух штукатуров. Девушки, которые работали у них подсобницами, рассказали мне про такой случай. Однажды утром пригостили они три ящика раствора и стали ждать штукатуров. Те так и не явились: запынствовали. В середине дня пришел прораб и записал подсобницам прогул. Штукатурам же все сошло с рук.

«Одолженным» со стороны специалистам платят по несуществующим высоким расценкам, а своих рабочих учить не хотят. Сколько здесь работающих дежчат! А какие же у них перспективы?

«Прораб у нас грубый, подходит к рабочим и имеет. Может накричать ни за что, нагрубить».

В Суоярвском стройуправлении об этом знают. Но относятся спокойно: грубый, да зато деловой. Положить эти два качества на одни весы никогда не пытались. А если попробовать? Сидит на лестнице-временке пожилая женщина и вытирает косынкой красные глаза. В чем дело? Досадливо отмахивается: а, ладно, все равно скоро рассчитываюсь. Таскала по лестнице кирпичи на чердак. Попросила прораба поставить блок. А в ответ, как плевков в душу: «Не хочешь работать, иди домой».

От грубости руки опускаются, работать не хочется. Вот иные и делают кое-как: прорабу назло. Другие просто уходят. А руководители считают: «Ничего, что грубит, лишь бы дело знало».

Так в какую же сторону тянет чаша весов?

Сидим втроем: начальник участка Николай Семенович Маримонов, прораб Александр Константинович Остапчук и я. Сидим и говорим о письме.

— Многие факты подтверждаются,— соглашается Маримонов.— Но зачем же по мелочам в Москву писать?

— Дело ведь вот в чем,— вежливо, с расстановкой произносит Остапчук, собираясь, видимо, начать длинный разговор.— Народ на участке склочный, поэтому написали. Сами судите, распустили

сплетни: начальство присваивает себе их деньги. Можно ли работать при таком недоверии?

— Нельзя. Но откуда эти сплетни? Посмотрите. Да вот тот же случай с Феней Петровой и Клавдией Ивановной Табаковой. Если бы не удосужились им в конце концов все объяснить, до сих пор говорили бы, что их обманывают.

«Многие начинают в Кибаше свои рабочие биографии. Уезжают девушки и парни впервые из дому. Им еще так нужно слово наставника, рука старшего товарища, чтобы какая-нибудь случайная обида не определила отрицательный взгляд на жизнь!»

— Вот сегодня, Николай Семенович, была у вас Соня Савина. Пришла и сказала: «Отпустите меня, не хочу я тут больше».

Почему она уходит? Помните тот случай, когда товарищи по бригаде заявили Соне: «Не хотим с тобой работать: не умеешь, мало делаешь!» Вы тогда промолчали.

— А что я мог сделать? Начать воспитывать целую бригаду? А работать когда? Участок большой. План нужно выполнять...

Долго мы говорили. Но, кажется, так и не понял тогда Николай Семенович Маримонов, что план, за который он так болеет душой, и воспитание, которым не хочет заниматься, должны быть крепко слиты в один круг. Здесь, в Кибаше, этот круг разорван, и уходят в образовавшуюся брешь люди. Нет, не только летуны. Уйдет Соня Савина, приехавшая сюда с желанием работать. Не будет ничего удивительного, если уволится с участка Оксана Глинская. Два месяца лежала она в больнице, в Петрозаводске, где у нее нет ни родных, ни знакомых, а о ней не вспомнили: некогда, план.

* * *

Я уезжала из Кибаша вечером. Он стоял вдали, освещенный заходящим солнцем, притихший и какой-то очень уютный. Жаль, что не становится он родным домом для всех, кто сюда приезжает! А мог бы стать! Как изменить жизнь на стройучастке? В стройуправлении знают о фактах, рассказанных в статье. Но у старшего инженера отдела труда и зарплаты, который приезжал вместе со мной в Кибаш, письмо работниц тревоги не вызвало. Напротив, от него я узнала, что Пюрикский стройучасток считается самым благополучным. Придется разрушить иллюзии руководителей Суоярвского стройуправления.

ГЛУБИНА ЭКРАНА

Заметки о Московском кинофестивале

Кино не только самое массовое, но, пожалуй, и самое беспокойное, самое неустоявшееся искусство.

Первые неуверенные кадры: человек выходит из дому, идет поезд, мчится автомобиль... Чудо ожившей фотографии! Но вот кино уже признано миром и, кажется, навсегда определилось. «Великий немой» — называют его люди. А оно не желает молчать. «Великий немой» заговорил — сенсация XX века!

Голос, потом цвет, широкий экран, кинопанорама... Однако все это лишь «выходные данные». Еще более сложные и неожиданные явления происходят в глубине экрана. Кинематограф становится всеобъемлющим, синтетическим искусством с возможностями, не знающими границ, и с небывалой силой воздействия на миллионы зрителей. Но вместе с правдой на экран врывается и ложь, а между ними не может быть мирного сосуществования.

Искусство обладает способностью объединять или разделять людей. Но лишь тогда оно имеет право на будущее, когда оно объединяет. И эта мысль, думается, нашла свое яркое выражение в девизе Московского кинофестиваля: «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами».

Под девизом дружбы и мира в Москве собрались выдающиеся деятели кино из 63 стран. Две недели в Кремлевском Дворце съездов днем и вечером демонстрировались конкурсные фильмы фестиваля, а в клубах и кинотеатрах Москвы показывали внеконкурсные полнометражные картины, выступали продюсеры, режиссеры, сценаристы, критики. На дискуссии «Кино и прогресс» шел большой разговор о сегодняшнем и завтрашнем дне кино.

В памяти тех, кому довелось быть в Москве, навсегда останутся многочисленные встречи с участниками фестиваля. Это были встречи на светящемся экране и на подсвеченных рампой подмостках. И фильмы, отмеченные жюри, удостоенные золотых и серебряных призов, и фильмы, оставшиеся без наград, доставили немало счастливых минут зрителям.

Большой приз Третьего Международного Московского кинофестиваля был присужден талантливому итальянскому режиссеру Федерико Феллини за фильм «Восемь с половиной» (название дано по числу снятых им лент), который повествует о сложной и противоречивой судьбе художника в капиталистическом мире. Действительно, фильм Феллини отличает высокое режиссерское мастерство и

внутренняя честность. Но вместе с тем фильм глубоко пессимистичен, далек от народной жизни, чужд нам по своей идеологии.

Три золотых приза присуждены картинам: «Имя смерти — Энгельхен» (Чехословакия), «Козара» (Югославия) и «Испорченная девчонка» (Япония). Первые два фильма посвящены партизанам. В них в полный голос звучит тема сопротивления фашизму, тема торжества гуманизма и справедливости.

А третий фильм переносит нас в послевоенную Японию. Мы знакомимся с осиротевшей пятнадцатилетней японской девочкой Ваказ, рано столкнувшейся с темными сторонами жизни. Отчаянное озорство «испорченной» девчонки рождено гневом и болью, которые поселились в ее обиженном сердце. Но Ваказ может быть и другой. И хотя авторы оставляют свою юную героиню на полпути, верится, что с помощью добрых людей и сама Ваказ и друг ее детства Сабуро найдут верную дорогу в жизни.

Одной из главных и знаменательных черт фестиваля является победа художников социалистических стран, утверждающих в своем творчестве правду народной жизни. Значительны и каждый по-своему интересны фильмы, отмеченные серебряными призами: «Порожний рейс» (СССР), «Черные крылья» (Польша), «Рассказы в поезде» (Венгрия). Незабываемое впечатление оставляет фильм, снятый по роману немецкого писателя Б. Апица «Голый среди волков». Фильм говорит: даже в аду нацистского концлагеря люди сумели не только остаться людьми, но и подняться до вершин благородства, человечности и любви. Представленный на фестивале кинематографистами ГДР, этот фильм получил серебряный приз за режиссуру.

Тепло встречали москвичи прославленную французскую актрису Симону Синьоре. Она давно полюбилась советским зрителям за блестящее актерское мастерство, и было приятно, что Союз кинематографистов СССР снова отметил ее почетным дипломом. Но особенно радостно приветствовать рождение новых звезд на мировом кинобосклоне, таких, как индийская киноактриса Сухитра Сен (фильм «Брачный круг»), награжденная серебряным призом за лучшую женскую роль, или юная вьетнамка Ча Жанг — героиня фильма «Ты Хау», удостоенного серебряного приза за успехи молодой кинематографии. Это были радостные знакомства. Впрочем, часы, проведенные в кинозалах, не всегда оказывались часами благодарной близости к творческим победам.

Министр культуры СССР Е. А. Фурцева и летчик-космонавт Валентина Терешкова среди итальянских кинематографистов. В центре — режиссер фильма «Восемь с половиной» Федерико Феллини.

Быстро подружались Надя Румянцев (СССР) и Ча Жанг, исполнительница главной роли в фильме «Ты Хау» (ДРВ).

на работе

Очень важно, чтобы одежда для работы была удобна и практична. Мы не будем касаться производственной одежды, требующей специальных теплоизолирующих или водонепроницаемых тканей, так как такая одежда требует и специальной формы и различных приспособлений, разработанных специалистами той или иной отрасли промышленности. Но существует целый ряд профессий, для которых вполне подходят мужские и женские комбинезоны обычного типа, халаты и платье-халаты.

Для такой одежды лучше выбирать плотные хлопчатобумажные ткани синих, серых, коричневых, зеленых или песочных тонов.

Приятно смотреть на женщину, когда она в рабочей одежде выглядит красиво. Комбинезоны на bretелях можно носить с блузками разных расцветок в клетку, в полоску, в горошек; обыкновенный рабочий халат можно сделать изящной формы, а белый воротничок и яркий платочек в кармашке придадут ему элегантность.

Если даже по роду работы не требуется специальной одежды, то и в этом случае следует быть одежным «к лицу».

Платье для работы надевают с утра, и оно должно быть таким, чтобы весь день чувствовать себя в нем хорошо, удобно.

Современная мода отличается простыми формами и линиями, отсутствием сложных отделок как в повседневных, так и в выходных платьях. В альбомах мод всегда можно найти модели красивых платьев для каждого дня, костюмов, платьев-костюмов, юбок с блузками спортивного стиля, и это именно то, что подходит для работы.

Бывает, зайдешь в учреждение по делу, и среди скромно одетых женщин бросаешься в глаза одна в открытом платье из шелковой узорной парчи, с серьгами или клипсами в ушах, с блестящими бусами на шее и тремя браслетами на руках. Неумеренный грим и сложная «вечерняя» прическа дополняют туалет.

В рабочее время такой костюм неуместен, он не соответствует обстановке, а кроме того, не вызывает доверия и деловым качеством его обладательницы.

Я не считаю, что надо одеваться однообразно и скучно, но есть какие-то нормы хорошего вкуса для

Как одеваться и дома

рабочего платья. Скромное платье из ткани неяркой расцветки можно оживить красивой брошкой из керамики, из дерева или не слишком блестящего металла. Только не из сверкающих искусственных бриллиантов или других прозрачных цветных камней. Такие брошки носят с вечерними туалетами.

Практичны и красивы для работы костюмы и платья-костюмы, а также комплекты из юбки, блузки и прямого жилета. Они особенно подходят для полных женщин. Меняя блузки и джемперы, легко разнообразить костюм.

Выбирая ткань для рабочего костюма или платья, не надо забывать, что есть ткани для этой цели «противопоказанные»: парча, бархат, капрон, кружевное полотно. Это «вечерние» ткани.

Если после работы вы сразу идете в театр, на концерт или в гости, то хорошо иметь платье с вариантами. Например, на работе вы в строгом черном платье с белоснежной вставкой и с гладким поясом. Однако достаточно отстегнуть вставку, заменить гладкий пояс задрапированным или плоским бантом, надеть бусы или медальон, и вы готовы для выхода в театр.

Обычно на работу с костюмом носят строгие блузки с отложными воротничком и рукавами на манжетах. А если вы куда-нибудь идете, то смените блузку на более нарядную, шелковую. Платье-костюм можно дополнить красивым шарфом. Шарфы сейчас модны.

Приятно, вернувшись с работы, переодеться в свежую, удобную и красивую домашнюю одежду. Молодым, стройным женщинам идут платья с приталенным лифом и расширенной книзу юбкой — это и модно да и удобно для домашних дел. К платью из гладкой ткани можно сделать фартук из яркого ситца с крупным рисунком в горох или полоску. Косынка из такой же ткани гигиенична при приготовлении обеда и сохраняет прическу. Если случайно зайдет кто-нибудь из друзей, то хозяйке достаточно снять фартук и косынку, поправить прическу, и она уже «в порядке».

Полным женщинам подходят свободные платья прямой формы, отрезные или цельные, со слегка расширенной книзу юбкой. К таким платьям идут закрытые фартуки с застежкой сзади или сбоку.

Домашние сарафаны, юбки с блузками, платье-халаты также удобны и красивы. Чистота домашней одежды — это часть ее прелести, потому и материалы надо выбирать хлопчатобумажные, легко стирающиеся: ситец, сатин, фланель, а также поплин, полотно, штапельные ткани.

Многие женщины сами шьют домашнюю одежду по выкройкам и проявляют много фантазии и индивидуального вкуса: удачно комбинируют ткани разных расцветок, вводят несложные отделки — аппликации, пеструю тесьму, узкое кружево, цветные канты.

Недавно моя молодая соседка купила готовое хлопчатобумажное платье-халат. Платье как платье: стандартное, пестренькое, сучноватое. Через день на платье появился белый воротничок и такие же канты на рукавах и нарнахах, и оно сразу стало милым и уютным. Фартук из яркой ткани окончательно завершил этот домашний костюм. Чем больше такой «самодельности» проявят женщины, тем домашняя одежда станет разнообразнее и красивее.

Художник-модельер
Е. СЕМЕНОВА

Удобные фартуки

Недавно в разделе «Для вас, женщины» французская газета «Юманите» поместила несколько моделей фартуков, из них три с маленьким прантическим усовершенствованием, которое предохраняет руки от ожогов и загорания.

1. Фартук приспособлен на поясе. По бокам на пуговицы пристегиваются карманы-держалки, которые можно отстегнуть и надеть на руки, когда нужно снять с плиты сковородку, кастрюлю. Карманы можно сделать из плотной ткани в несколько рядов и пристегивать к любому фартуку, предварительно пришив к нему пуговицы.

2. Фартук-блуза с застежкой на спине. Низ слегка закруглен по форме большого кармана.

3. Фартук с застежкой спереди и воротничком из ткани в клетку. Такой же тканью покрывают карманы-держалки (внутри двойные), прикрепленные к поясу длинными шнурками.

4. Для домашней блузки или платья, застегивающегося спереди на пуговицы, подходит фартук, выкроенный в форме квадрата. Верхний угол пристегивается на пуговицу платья. По талии фартук приспособлен на поясе.

5. Платье-фартук с короткими, довольно широкими рукавами и застежкой спереди. Пояс съёмный, с прикрепленными к нему рукавичками — держалками. Конечно, такие карманы и рукавички после работы на кухне надо снимать и часто стирать.

ЕЩЕ О ЦВЕТАХ

Как выращивать многолетние цветы из семян, и долго ли ждать их цветения? — просит ответить тов. КОПЫЛОВА из г. Саратова.

Почти все многолетники можно вырастить из семян и за один-два года получить большое количество растений. Если вы осенью посеете флоксы, дельфиниум, люпин, маргаритки, георгины и ряд других многолетников, то они порадуют вас цветами в первое же лето. На второй год после посева зацветают аквилегия, мак восточный, гайлардия, рудбекия, горичвет, примула, ромашка крупноцветная и другие. Более длительный процесс выращивания из семян таких цветов, как лилии, нарциссы, тюльпаны, ирисы, сциллы, пионы. Их цветения приходится ждать три-четыре года, а то и шесть лет.

Лучший срок посева семян в грунт — поздняя осень: октябрь, ноябрь. Но грядки для посева нужно подготовить заранее, в конце сентября или в начале октября. Для этого в почву внесите перегной или выветрившийся торф, минеральные удобрения, перекопайте, разровняйте поверхность грядки и сделайте бороздки глубиной в один сантиметр, на расстоянии 15—20 сантиметров друг от друга. Одновременно запаситесь некоторым количеством хорошей земли и держите ее в подвале или в сарае (чтобы она не промерзла). Как только почва на грядке слегка подмерзнет, высейте семена в бороздки и засыпайте их землей слоем в 1 см. Вот тогда вам придется приспавенная талая земля. Не беда, если грядку припорошит снежок, перед посевом сметите его веником.

Семена отлично перезимуют в грунте, а с весны они уже потребуют ухода. Следите за влажностью почвы на грядке, своевременно и осторожно поливайте из лейки с ситечком.

Как только у всходов разовьется по 2—3 листочка, их надо рассадить на другие грядки, делая между ними расстояние 20—25 см.

Чтобы вырастить из семян крепкие, хорошо развитые растения, их нужно

своевременно поливать, систематически подкармливать, удалять сорняки и рыхлить почву в междурядьях.

Осенью, а лучше весной следующего года развившиеся сеянцы можно высадить в цветник, где они будут расти и цвести по нескольку лет.

Когда многолетники, выращенные из семян, сильно разрастутся и побеги начнут мешать друг другу, их необходимо разделить и рассадить.

Из опыта известно, что маргаритки лучше всего делить через каждые два года, флоксы, горичвет, астры, гелениум и другие — через каждые четыре года и т. д.

Многолетники, выращенные из семян, более стойки и жизнеспособны.

Вредны ли комнатные растения? Этот вопрос интересует тт. СЕМЕНОВУ из г. Нарофоминска, БУБНОВУ из г. Ярославля, ЦВЕТКОВУ из г. Новосибирска и многих других.

В последнее время все чаще приходится слышать этот вопрос. Многие считают, что растения вредны для организма человека, так как в ночное время выделяют большое количество углекислого газа. Этого опасаться не следует. В результате научных исследований установлено, что 600 комнатных растений выделяют за ночь углекислоты столько же, сколько один человек. Следовательно, о вреде десятка растений, находящихся в комнате, говорить не приходится.

А вот о пользе растений сказать следует. В дневное время растения поглощают углекислоту, а выделяют много кислорода. Кроме того, растения повышают влажность воздуха, очищают его от пыли, что очень важно для жилого помещения. Мы уже не говорим об эстетическом наслаждении, которое доставляют нам цветы. Если растения ухожены, красиво, со вкусом расставлены, они всегда создают уют в нашем жилище.

Цветовод И. МАКАРОВА

ОНА ВСЕГДА МЕЧТАЛА РАБОТАТЬ ТОЛЬКО В СТОЛИЦЕ...

Рисунки А. Анисимова.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки блузок и юбок.

Итальянская мода

В моде сезона обращает на себя внимание красивая цветовая гамма — спокойные, глубокие оттенки: коричневые, золотистые, теплые зеленые, серые, горчичные. Яркий цвет используется в основном в спортивных костюмах и в небольших дополнениях. В костюме сейчас сочетаются цвета близкие, например: горчичные с зеленым, серые с коричневыми и т. п.

Ткани для пальто, костюмов и зимних платьев — с выработкой в елочку, полоску, в различную клетку, крупную и мелкую, тональную и ярко выраженную.

В дневных платьях и костюмах основные силуэты — прямой, расширенный книзу и чуть приталенный, с мягким лифом. Платья нарядные — из гладких тканей с асимметрично драпированными лифами и юбками.

По-прежнему модны костюмы и юбки с жилетами. Жилеты чаще делают из другой ткани и к ним блузки — гладкие, в полоску или с мелким рисунком, покроя мужских рубашек; их носят с галстуками. Снова появились юбки с бретелями. Форма юбок — узкие и расширенные книзу, застроченные или заглаженные спереди двумя линиями, как складки на брюках. Складки, заглаженные «на ребро», делаются и на пальто. Пальто клетчатые или гладкие, прямые или расширенные книзу, начиная от линии груди.

Основные отделки — тесьма, нанты, бейки. Часто встречаются отделки кожаные.

Вечерние темные костюмы отделяют светлыми рюшами, кружевными жабо. Модны клепаны и планки. Пояса — свободное завязанные, из ткани, и кожаные широкие. Воротники большие. Рукава заметно удлинились. Они в основном втачные.

1. Костюм из клетчатой ткани. Жакет притален. Рукав втачной, кроится по косой нитке, книзу чуть расширен. Юбка расклешена, спереди встречная складка. Жилет из гладкой ткани. Берет из ткани костюма. Рекомендуется на все размеры.

2. Удобный костюм для работы: юбка, жилет и блузка. Жилет может быть клетчатым при гладкой юбке или гладким, если юбка из ткани в клетку или с выработкой. Также рекомендуется на все размеры.

3. Два варианта платья: клетчатое с гладкой отделкой и гладкое с клетчатой. Платье цельнокроеное, прилегающий лиф и расширенная юбка. Оно хорошо сидит и на полной и на худой фигуре.

4. Пальто из полушерстяной ткани. Подкроенные линии переходят в заглаженную «на ребро» складку. Книзу от линии груди слегка расширено. Шапочка типа мужской. Рекомендуется на все размеры.

5. Драпированное платье из набивного шелка. Лиф с напуском, отрезной, но линия отреза задрапирована на талии. Рукав короткий, цельнокроеный. Драпировка у плеча закончена бантом и брошью. Рекомендуется до 52-го размера.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

На первой странице обложки: Они познакомились на Всемирном конгрессе женщин в Москве — Серафима Котова, мастер Московской шерстопрядильной фабрики имени Калинина, Герой Социалистического Труда, и Амината Сарр, председатель Союза женщин Сенегала, директор школы.

Фото Р. Лихач и Н. Маторина.

На четвертой странице обложки: Заседание окончилось. Делегатки конгресса у Кремлевского Дворца съездов.

Фото Н. Маторина и Е. Умнова.

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, К. Ф. ДРОЖКИНА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Я. Мирошниченко.
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79.

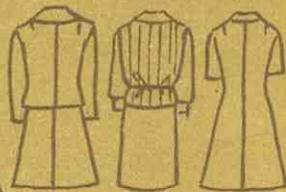
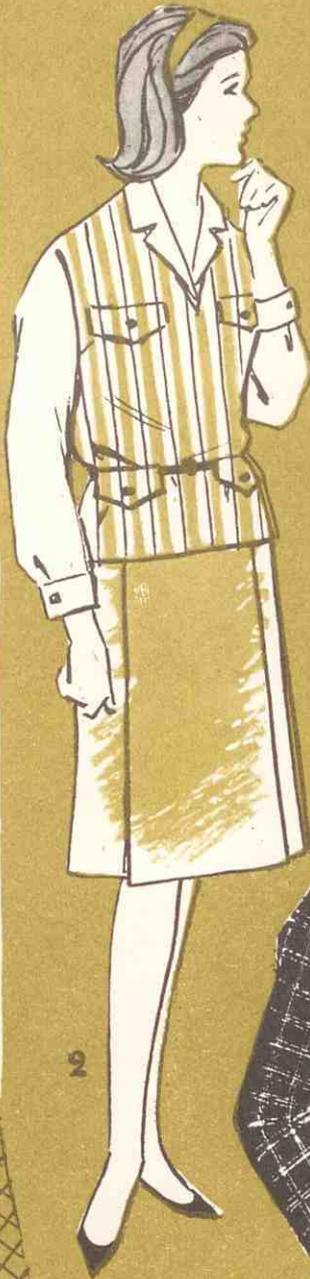
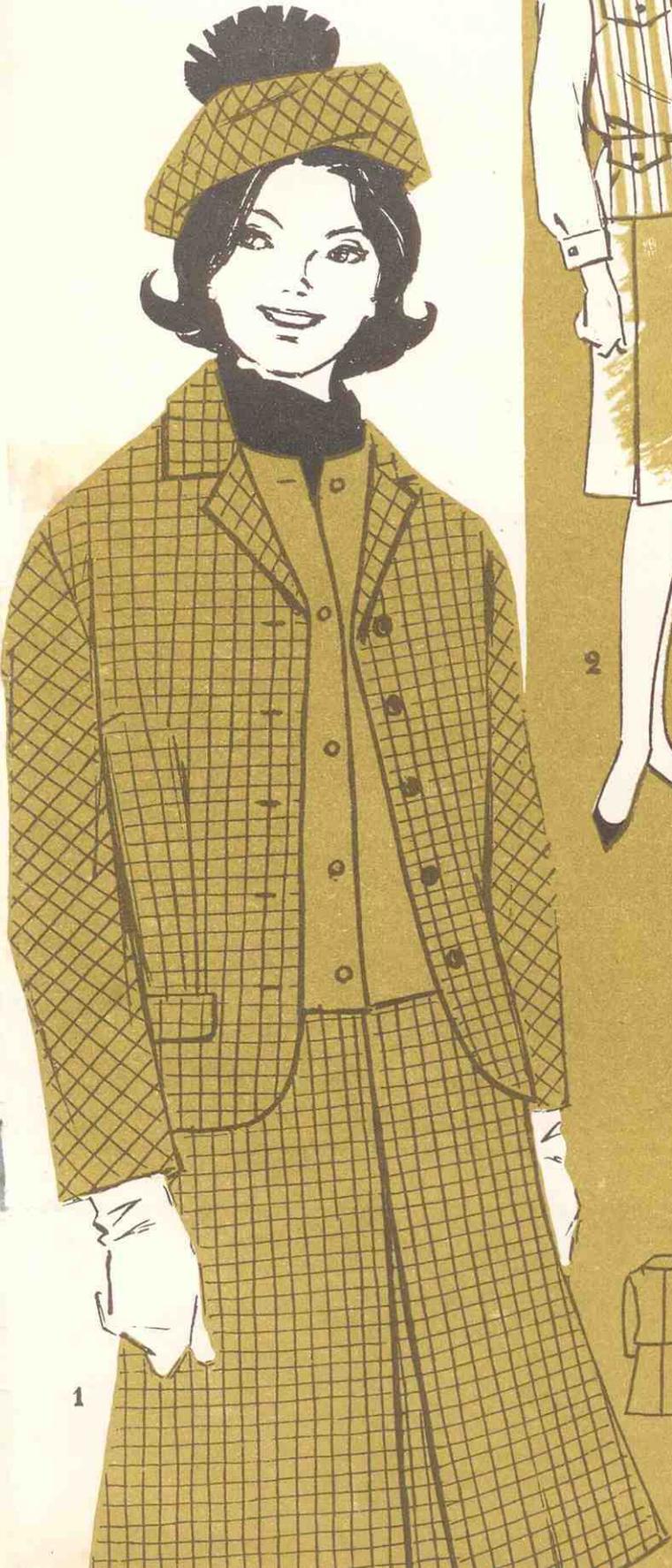
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — Н. Будкина,
отд. писем — Д 3-34-15.

А 00162. Подписано к печати 8/VIII 1963 г. Тираж 4 000 000 экз. Зак. № 1790. Изд. № 1470. Форм. бум. 60×82½, 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОДА

78
Цена номера 10 копеек.

Индекс 70770

